Непосланный посланник

Автор:
Руслан Агишев

Непосланный посланник

Руслан Ряфатевич Агишев

В вихре времен

Трагическая случайность забросила Дмитрия Мелехова в далекое прошлое, в 1941 год, за несколько месяцев до одного из самых кровавых и жестоких периодов в истории нашей страны. Чувствуя себя брошенным в безжалостную пучину, и страдая от собственной беспомощности что-либо изменить, Дмитрий безуспешно пытается достучаться до руководства государства. Однако, маховик судьбы не так просто повернуть вспять и черная орда с запада, состоящая из миллионов солдат, тысяч танков и самолетов вновь наносит страшный удар по Советскому Союзу. С трудом выжив в мясорубке первых дней войны, Мелехов добирается до Москвы и предлагает хозяину Кремля свои знания будущего, которое уже никогда не станет прежним.

Руслан Агишев

Непосланный посланник

© Агишев Р.Р., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

* * *

Здравствуй, незнакомец! Если ты читаешь эти строки, то меня уже наверняка… Черт меня дери, что это за ересь из меня лезет?! Извини, дружище, заносит меня немного. И если честно, это совсем неудивительно, учитывая, в какую задницу я попал.

Не знаю, кому это будет нужно и прочтет ли мою историю хотя бы одна живая душа. Но хотя бы попытаться рассказать о том, что случилось со мной, я должен.

Итак… Меня зовут Дмитрий Мелехов. Родом я из Зубово-Поляны, небольшого поселка, расположенного на юго-западе Мордовии прямо на федеральной трассе М5 «Урал». В свои тридцать с небольшим успел защитить кандидатскую по истории, попробовать свои силы в бизнесе, попутешествовать по миру. Личная жизнь особо не складывается, хотя работа в этом направлении ведется довольно энергично.

Пожалуй, еще отмечу, что двумя главными моими увлечениями, которые с переменным успехом борются внутри меня, являются отечественная история и психофизиология. Гениальных высот здесь я, к сожалению, не достиг, но кое-чем бы многих смог удивить. Например, для меня не составило бы особого труда час, а то и два в подробностях и ярких красках рассказывать о знаменитом пути «из варяг в греки». Или, если переходить к психофизиологии, замедление пульса вплоть до каталепсии также не стало бы для меня особым испытанием.

Вот, пожалуй, и все, о чем бы хотел рассказать о себе… СТАРОМ! Да-да, о себе старом! А теперь пришел черед и самой истории.

Глава 1. Перенос

Наше время

Российская Федерация г. Самара

Эти новогодние праздники я решил провести как-то по-особенному. Гулянки с баней и мясом, морем и пивом уже порядком поднадоели и хотелось чего-то другого, полезного, что ли. Словом, возникла идея бесцельно побродить по

городам нашей глубинки. Знаете, видел в парочке голливудских фильмах, как герои приезжали в аэропорт и брали билет на первый же отлетающий рейс. Вот именно такого и захотелось! Прийти и взять билет в какой-нибудь город, не столичный, не курортный, а самый обычный город.

Со временем идея несколько видоизменилась, правда, сохранив свое содержание. Учитывая небогатый выбор городов, в которые билеты вообще продавались на вокзале нашего городка, выбор мой пал на Самару, Йошкар-Олу и Ижевск. В первом мне хотелось посмотреть на местный стадион – наследие чемпионата мира по футболу, а в двух вторых – просто попробовать местной национальной кухни.

…И вот я в Самаре в компании брата и его супруги и в полном ожидании чего-то нового и интересного схожу на перрон. Что сказать? Охренительно! Прямо на нас из просыпающегося зимнего города надвигается здоровенная переливающаяся новогодними огоньками громадина здания вокзала. Стекло-металлическая хай-тековая конструкция правда очень впечатляла. Чувствовалось, что архитекторы особо не утруждали себя вписыванием здания в окружающий ландшафт и дали «стране угля». У них получились натуральные друзы, скрепленные вместе кристаллы горного хрусталя, эдакий минералогический шедевр – мечта геолога.

– Насмотрелись? – глядя на своих попутчиков, уже с десяток минут пожирающих глазами архитектурный шедевр, спросил я. – А то так и до остального города дело не дойдет… Знаете, что тут я подумал, посмотрев на это чудо? А может, ну его, к черту, этот стадион?!

Архитектурное чудо меня действительно натолкнуло именно на эту мысль. Ну что мы там нового и интересного увидим? Еще одно воплощение какого-нибудь модернистского проекта, отражающего чей-то, может, и нездоровый взгляд на нашу действительность. Вот именно это ощущение я и выразил брату и его жене, правда, несколько другими словами.

– Это, поди, точно такая же болванка из бетона, стекла и нержавейки. И чего там эдакого? У нас вон на родине точно такой же стадион стоит, – судя по задумчивому виду моих собеседников, мои доводы были услышаны и их явно заинтересовали. – Словом, нечего терять на него время! Вон в Сети глянем фотки или по пути со стороны глянем. Есть другое предложение… Бункер Сталина! Как вам идея?

Так уж случилось, что у моего брата был определенный пунктик, который назывался Сталин. По какой-то совершенно непонятной для меня причине он буквально с маниакальной страстью читал, смотрел, изучал все, что находил про жизнь, привычки, интересы Иосифа Виссарионовича. Это были десятки биографических книг, сканы его личных писем, фотки из интернета, документальные кадры и так далее, и тому подобное. И весь этот огромный материал, который брат коллекционировал в качестве хобби, в конце концов обрушивался на наших близких, в том числе и на меня! При каждом удобном случае он делился со мной какими-то смешными случаями из жизни Сталина, его шутками над другими, анекдотами. Словом, я был уверен, что моя идея будет воспринята на ура, и не ошибся.

До самого бункера, спрятавшегося в здании, а точнее под зданием, какого-то самарского вуза, мы добрались довольно быстро. Спасибо интернету и общественному транспорту!

Вход в музей «Бункер Сталина» был каким-то совершенно обыденным. Ни тебе здоровенной вывески, ни какой-нибудь завлекухи в виде его статуи, ничего… Если честно, я ожидал совершенно иного! Уж как бы мы иногда ни хаяли некоторых европейцев, но они к такого рода объектам подходили совершенно иным образом. Вон даже бывшие «братушки» болгары и те из какой-нибудь занюханной развалины сделают такой туристический объект, что диву даешься. Кажется, здесь, кроме груды камней, реального новодела, и смотреть-то нечего. Однако тут тебе и десятки прилавков с сувенирами, и огроменные баннеры с яркими надписями, и жаждущие общения экскурсоводы! Словом, даже проходя мимо, ты понимаешь, что здесь находится реальный и очень крутой объект!

Короче, начало меня несколько разочаровало. Обычная темно-коричневая дверь, какая-то непонятная ручка, словно в старый склад какой заходишь. Более или менее похожее на бункер и собственно на экшен началось лишь, когда мы и еще пара каких-то попутчиков, обзаведясь сопровождающим, миновали многотонную гермодверь. Последняя, если не соврал экскурсовод, могла выдержать и, соответственно, погасить взрывную волну от ядерного взрыва. Если бы кто-то, не дай бог, шарахнул по городу таким спецбоеприпасом, то укрывшиеся в бункере точно бы выжили.

Чуть позже стало еще интереснее. Мы спустились на глубину по лестнице, прошли пару коридоров с выразительными плакатами той эпохи, впечатлились

жуткими картинками нарисованных ядерных взрывов, насмотрелись на манекены советских солдат в защитном снаряжении и резиновых сплошных противогазах. В антураже бункера с его давящими бетонными тоннелями все это смотрелось очень впечатляюще. Мы, если честно, немного присмирели и шли почти не переговариваясь, внимательно вслушиваясь в размеренную речь экскурсовода.

– …Из недавно рассекреченных министерством обороны документов стало известно имя архитектора, проектировавшего бункер и его системы жизнеобеспечения. Это был профессор Виноградов… – экскурсовод – дама средних лет с небрежно уложенной копной обесцвеченных волос – сделала небольшую паузу, видимо, чтобы мы попытались вспомнить имя этого ученого; однако, так и не дождавшись от нас никакой реакции, она продолжила: – В научном сообществе по поводу Алексея Александровича Виноградова до сих пор разворачиваются серьезные баталии. Одни называют его шарлатаном, основоположником и ярым защитником целого десятка ненаучных теорий – о пронизывающих пространство электромагнитных струнах-волнах, о неравномерности течения времени и так далее; другие называют его ни много ни мало советским Николой Теслой. Вообще-то сложно судить, кто на самом деле прав, а кто не прав. По странному стечению обстоятельств о Виноградове практически ничего не известно. Из архивов каким-то мистическим образом исчезли почти все упоминания о его работах и научных изысканиях…

И вот пройден очередной длинный зал, в котором стоял стол и стул самого Сталина. Я не смог удержаться и за небольшую денежку получил право посидеть на стуле.

Ну что сказать? Стул довольно удобный, но вроде ничего сверхъестественного…

– Дим, хватит уже. Пошли! – с порога зала раздался нетерпеливый голос брата, который пошел вслед за экскурсоводом. – Почти два часа здесь паримся. Есть охота.

– Иду, иду, – отозвался я, продолжая раскачиваться на стуле.

Ведь чертовски удобный стул оказался! Темный гнутый дуб, покрытый на спинке и сидушке настоящей кожей, совсем не хотелось оставлять его в этом подземелье.

– Удобный… Может, и правда Сам на нем сидел, – пробормотал я, ерзая на стуле. – А что, чай, не все с того времени, поди, продали-то.

Со стороны выхода из помещения вновь донесся недовольный голос брата. Чувствовалось, у него уже кончалось терпение. Я чуть привстал, решив напоследок качнуться еще сильнее. Ножки стула дернулись, сойдя с уже наезженной проплешины на паркете, и попали в стык между дубовыми дощечками.

Вдруг раздался резкий щелчок, словно сработал спусковой механизм какого-то агрегата. Одновременно прямо из-под паркета повалил дымок с едким химическим запахом.

– Б…ь! – только и вырвалось у меня, когда стул, оказавшийся действительно тем самым стулом, начал куда-то проваливаться. – Что это за херн-я-я-я…

Вспыхнувший пиропатрон, встроенный в паркетную доску вот уже более семидесяти двух лет назад, несмотря на свой древний возраст, сработал на все сто процентов, активировав автоматику СЭЭВКС – систему экстренной эвакуации высшего командного состава Красной Армии Советского Союза. СЭЭВКС, детище полубезумного гения – физика профессора Виноградова, помешавшегося на идеях Николы Теслы о пронизывающих мировое пространство электромагнитных волнах, был спроектирован еще в далеком сороковом году. Однако свое физическое воплощение фантастический проект обрел лишь в 1942-м, когда идущая на физическое уничтожение война подошла к самому сердцу Советского Союза. Именно тогда, в конце 1941 – начале 1942 года, проект создания СЭЭВКС и обрел свое второе дыхание. В течение каких-то нескольких месяцев в условиях дикой секретности и под личным контролем всесильного наркома внутренних дел на создании реального прототипа системы были сконцентрированы гигантские по тогдашним меркам материальные и интеллектуальные ресурсы. Из архивов поднимались уже забытые разработки ученых по сверхпроводимости материалов, по природе электромагнитных волн. Из-за океана удалось даже доставить часть дневников самого великого Николы Теслы, который, как гласила молва, уже решил эту проблему. В целом на проект в той или иной степени независимо друг от друга работало почти два десятка «шарашек». Их члены да и само их руководство даже не догадывались, что некоторые из странных агрегатов, над которыми они работали, шедшие под непонятными цифровыми и буквенными обозначениями, предназначались отнюдь не для новейших истребителей, танков и подводных лодок, а для совершенно фантастического

устройства – телепортатора. Да-да, система экстренной эвакуации высшего комсостава представляла собой гигантский электромагнит из материалов со сверхпроводимостью, который был способен перенести объект массой от 70 до 90 килограмм на расстояние примерно четырехсот километров!

– Черт! Черт! – уже не сдерживаясь, заорал я. Какая там благопристойность, когда тебя куда-то начало затягивать с бешеной скоростью! – А-а-а-а!

С диким хрустом разошлись деревянные стеновые панели из дуба, и пошла трещина по паркету, которые еще помнили звук шагов Самого. За этими деревянными ошметками обнажились темные матовые металлические створки, которые прямо на глазах начали уходить куда-то в стены.

– А-а-а-а! – меня вместе со стулом запрокинуло назад и неожиданно мягко уронило во что-то наподобие металлических салазок с подшипниковыми роликами. – А-а-а-а!

Меня аж трясти начало как сумасшедшего! Как? Куда? Зачем? Почему? Салазки со страшным скрипом (вся смазка уже давно окаменела) начали разгоняться, а вся конструкция, включая меня любимого, быстро летела вниз.

– Ди… – вопль бежавшего через все помещение брата с совершенно белым безумным выражением лица почти сразу же обрубили захлопнувшиеся металлические дверцы.

Видит бог, я уже не орал… Охрип… Кровь с силой долбила в виски. Белыми от напряжения руками, словно в спасательный круг, вцепился в ручки стула. Ведь это сейчас было то единственное, что еще держало меня.

– Уроды! Твари! – бормотал я, стуча зубами и не замечая, как из надкушенной губы идет кровь. – Гады! Куда меня тащат?

В этот момент в темноте тоннеля, в глубины которого я продолжал проваливаться, вдруг начали загораться старинные лампочки. Соединенные между собой толстенными кабелями, опутанными паутиной, они светили тусклым светом и попеременно моргали. В какой-то момент древние лампочки, произведенные еще в далеком 1941 году, начали взрываться, осыпая меня мелкой стеклянной взвесью.

– А-а-а! – пытаясь прикрыть руками, орал я как умалишенный. – А-а-а!

Наконец движение салазок, на которых как влитой держался стул со мной, начало замедляться. Через какое-то время раздалась череда мягких металлических щелчков – это сработали механические стопоры, которые были призваны замедлить и в конце концов остановить падение этого эрзац-лифта.

– Б…ь, приехал… Кхе-кхе, – еле слышно забормотал я, тяжело откашливаясь от поднявшейся в воздух многолетней пыли. – Кхе-кхе-кхе. Покажись только, падаль…

Тогда я, конечно, пытался хорохориться, убеждая самого себя, что вот-вот все разрешится, может, глупой шуткой или какой-то аварией. Я что-то бормотал, сыпал проклятьями. Словом, старался хоть как-то привести себя в чувство!

– Куда это меня забросило? Б…ь, что это за пещера Али-Бабы?! – пыль начала оседать, и полуразмытые черты помещения стали более различимы.

Конечно, это была не пещера, прорытая подземными водами! Все оказалось гораздо хуже… Я оказался в каком-то гигантском зале с полукруглыми бетонными стенами, разбавленными толстенными металлическими арочными балками. Вся эта конструкция до боли напоминала кусок тоннеля метро, только какого-то огромного метро! Даже по моим прикидкам, пусть и непрофессиональным, от пола и до самой верхней точки потолка здесь было не менее пятнадцати-двадцати метров. Представляете, здесь, под хрен знает каким расстоянием от земли, можно было с легкостью разместить стандартную пятиэтажку.

– А теперь что, ждать черепашек… с, мать его, учителем Сплинтером?! – с открытым ртом я шарил глазами по сторонам и ничего не мог понять.

Полукруглые стены были густо обвешаны массивными железными костылями с висевшими на них проводами, шедшими из стен прямо в центр всего этого зала. И самое страшное было в том, что именно туда дальше начало тащить салазки…

– Черт! Что это за херня?! – вся окружающее меня было настолько сюрреалистичным (словно из какой-то компьютерной игры про постапокалипсис

или какой-то забытый бункер нацистов), что у меня даже мысли не возникло выбраться из движущегося стула – он, родной, сейчас был для меня главным якорем из моего мира. – Уроды, куда вы меня тащите?

Но мои дикие вопли оставались гласом вопиющего в пустыне! Кто их мог услышать? Кто? Пара пожелтевших скелетов в давно уже истлевшей форме наркомата внутренних дел, что грудой валялись перед искореженной гермодверью в дальней части этого зала? Или скелет в точно такой же форме, но раздавленный тоннами земли и бетона в подорванном главном тоннеле телепорта? Кричать, орать, топать ногами было совершенно бессмысленно! Здесь не было никого живого! В полумраке огромного зала была лишь бездушная автоматика – та самая автоматика, что почти не изменилась со времен египетских фараонов и шумерских правителей: система каменно-металлических блоков, шаров-подшипников, взаимодействовавших друг с другом под действием силы тяжести.

– Черт, черт, черт, – шептал я снова и снова с широко открытыми от шока глазами. – Что это такое? Бляха-муха… Вляпался…

Вдруг с сильным ударом остановившихся салазок в помещении стало раздаваться странное магнитофонное шипение, словно кто-то пытался проиграть записанное на старую-престарую, латанную-перелатанную пленку.

– …Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш… Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш… ние! Фаза 1… Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш! – жесткий бездушный мужской голос несколько раз прорывался через шипение, но разобрать что-то в нем было практически невозможно. – Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш… Аккумуляторы! Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш.

Новое место, в которое меня вкатили эти проклятые салазки, было окружено какими-то странными черными столбами с намотанными на них медными с зеленой патиной проводами. Сверху и снизу эти столбы соединялись между собой в некое подобие единой колоннады изолированными проводами.

Не успел я толком рассмотреть свое новое пристанище, как со всех сторон начал раздаваться странный звук. Казалось, в один момент кто-то разбил сотни стеклянных чашек…

Звук все силился и совершенно не думал прекращаться! Триста сорок металлических штырей примерно с полуметровой высоты одновременно упали и вонзились в здоровенные запаянные стеклянные колбы с кислотой. Тут же более двух тонн едкой жидкости, наполняя воздух шипением и тяжелыми парами, водопадом обрушились на длинные тяжелые свинцово-никель-сурьма-кадмиевые болванки, запуская электролитические процессы.

Для запуска процесса телепортации СЭЭВКС нужен был первоначальный очень мощный электрический импульс, который и должны были обеспечить размещаемые вдоль стен гигантские сорокаметровые аккумуляторные батареи.

– Дерьмо! Б…ь! Дерьмо! – признаюсь, обоссался, даже во время первого прыжка с парашютом не было настолько дико страшно. – Б…ь!

Все вокруг меня стало наполняться электричеством. Сначала крошечные, а потом и здоровенные ярко-синие электрические разряды стали бить вдоль столбов. Небольшие молнии проскальзывали и по металлическим предметам моей одежды – пуговицам, браслетам, кольцу.

Потом воздух наполнило жуткое гудение. Это был гул от сотен, тысяч пчел и шмелей размером со свинью, не меньше! В какой-то момент гудение достигло своего пика, превратившись уже не просто в сильный звук, а в нечто материальное, осязаемое…

– А-а-а-а-а! – словно зубной бур безумного доктора сверлил что-то в моей голове. – А-а-а-а-а!

Кровь ударила в голову, взбунтовался желудок, пытавшийся вслед за мочевым пузырем избавиться от своего содержимого.

– Что же это такое… – хрипел я, отхаркивая кислую слюну изо рта.

В какой-то момент у меня начало все плыть перед глазами. Приборы, агрегаты вокруг меня стали то уменьшаться, то увеличиваться в размерах. Все словно резиновое, то надувалось, то сдувалось… Я опустил голову вниз, на свое тело, и обомлел. Точно такое же происходило и с моим туловищем! Цеплявшиеся в подлокотники стула руки казались нереальными. Их очертания размывались, становясь почти прозрачными.

– Глюки, б…ь, – я пытался поднять свои руки, но не смог их даже ощутить.

Ужас! Я не ощущал свои руки! Я не ощущал свои ноги! Б…ь! Что со мной происходит?!

Гул становился все сильнее, бегавшие по медным завиткам проводов молнии все ярче! Установка профессора Виноградова, опередившего своего время на десятки, если не сотни, лет, постепенно выходила на рабочую мощность, с каждой секундой добирая все новые и новые ваты энергии.

Восемьдесят три процента… Восемьдесят семь… Восемьдесят девять… Какофония звуков и цветов становилась уже физически нестерпимой! Девяносто один процент… Девяносто шесть… Гулявшие по агрегату электрические сполохи постепенно стали замыкаться в огромную ярко-синюю сферу. Девяносто семь процентов… Девяносто восемь… Сидевший внутри этого кокона человек уже потерял сознание и медленно сползал со стула. Из его носа текла кровь, а из уголка рта тянулась слюна. Девяносто девять процентов…

Однако за несколько секунд до выхода телепорта на рабочую мощность раздался сильный хлопок! Разбрасывая в разные стороны металлические осколки, взорвался один из запустившихся древних электромоторов, не выдержавших напряжения. Девяносто девять процентов…

Практически уже замкнувшаяся электромагнитная сфера вдруг надулась и тут же рванула не хуже авиационной бомбы! Даже четырех-пятикратный запас прочности, заложенный создателем телепорта в его основные агрегаты, оказался не способен противостоять времени…

И все же гениальное творение давно сгинувшего физика выполнило свое предназначение – спасение человеческой…

Глава 2. Появление

Интерлюдия 1

СССР

Смоленская область г. Вязьма

Центральное здание бывшей городской Лютовской больницы, а теперь больницы имени павших героев Революции, даже в этот жаркий весенний день, когда солнце щедро делилось со всеми своим теплом, выглядело угрюмо и не празднично. Видимо, всему виной была не совсем удачная архитектура здания – одноэтажной приземистой, оттого и чрезвычайно массивной, каменной коробки с нелепыми квадратными колоннами, таращившей в сторону улицы свои узкие окна.

Внутри больницы царило сонное царство и полуденная тишина, едва нарушаемая скрипом старых рассохшихся половиц от чьих-то шагов.

– Владимир Александрович, Владимир Александрович, – за удалявшейся по коридору фигурой главного врача бежала полненькая девушка в халате медицинской сестры. – Постойте!

Он обернулся уже на повороте и, поправляя очки с круглыми линзами, с удивлением посмотрел на нее. На его лице с аккуратно подстриженной чеховской бородкой было совершенно ясно написано «А что вообще могло случиться в полуденное время в полупустой больнице?».

– Да, Лидочка, что-то случилось? Я вот шел отобедать…

Запыхавшаяся от бега сестричка, лицо которой было густо-густо покрыто конопушками, тоже остановилась.

– Очнулся. Вот только что, – затараторила она, то и дело порываясь ухватить главного врача за рукав и тащить в обратную сторону. – Ну больной наш очнулся наконец-то. Парнишка, которого три дня назад пролеткой задело!

Ошеломленный напором Лидочки, недавно принятой в больницу и поэтому с небывалой энергией относившейся к любому порученному заданию, Владимир Александрович Панов, главный врач вяземской городской больницы имени павших героев Революции, сразу же сдался и безропотно дал себя вести в

другое больничное крыло. Неугомонный характер девушки он уже давно изучил и прекрасно понимал, что сейчас лучше подчиниться.

– Любопытно, очень любопытно, – бормотал доктор, конечно, сразу же вспомнивший этот интересный с медицинской точки зрения случай, когда пятнадцатилетний мальчишка, задетый мчавшейся во весь опор пролеткой, впал в самое настоящее каталептическое состояние и больше трех недель не реагировал ни на какие раздражители. – Что же тогда выступило раздражителем? – От задетых профессиональных чувств он даже чуть прибавил шаг. – Лежал, лежал, а тут вдруг очнулся… Может, ошибочка какая вышла?

Лидочка, прекрасно слышавшая бормотание доктора, тут же яростно замотала головой.

– Да вы что?! Все я видела! Я как раз повязку ему на голове меняла, а он… взял и открыл глаза, – возле приоткрытой высокой двери с застекленной верхней частью она остановилась и осторожно заглянула в палату. – Смотрите, Владимир Александрович. Видите, права я была – глаза-то у него открыты.

Негромко кашлянув, Панов открыл дверь и вошел в палату, где у правой стены на кровати лежал тот самый запомнившийся юноша. Если бы не открытые у него глаза, врач бы вновь с полной уверенностью подтвердил свой прошлый диагноз. Однако открытые глаза, ясно выделявшиеся на исхудавшем желто-синем лице, говорили совершенно об обратном.

* * *

«В начале было СЛОВО!» Да, тысячу раз – да! В начале было слово! Только совершенно не то, о котором говорится в священных книгах! Я это слово прочувствовал каждой клеточкой своего организма!

– Б…ь! Б…ь! Живой! – сознание ко мне вернулось каким-то резким толчком: раз и все! – Я живой! А какого хрена темно-то? Черт! Темно как у негра в… Завалило, что ли? А-а-а-а-а-а! А-а-а-а-а-а! – орать тянуло и дальше, но что-то у меня с ушами случилось, и ор мне слышался как-то странно.

Вокруг действительно было совершенно темно. И темнота была какая-то странная, чернильная, почти осязаемая. Казалось, вот протяни руку – и ты ее сможешь смело потрогать. Только трогать что-то ничего не хотелось.

«Вот же дерьмо! А… Глаза не открыл… – веки словно чужие, будто какой-то механизм, ждавший отдельного приказа, чтобы начать функционировать. – Что еще это такое?»

По глазам вдруг ударил нестерпимо яркий свет, заставляя негромко застонать от боли. «Свет! Б…ь, больно-то как! Неужели меня на небеса забросило?! Прямо из бункера Сталина на небеса… Бред! Черт, а это еще что за вскрик?! Похоже, тут кто-то еще есть…» Мне показалось, что я услышал какой-то женский возглас.

Чертовски хотелось разобраться, где я и что вокруг происходит. Так что я вновь попытался открыть глаза, только в этот раз, наученный горьким опытом, действовал гораздо медленнее. И тут же где-то на периферии зрения мелькнуло что-то белое, явно какая-то фигура, а следом послушался звук удалявшихся шагов. «Значит, я не ошибся, и тут кто-то был. Это хорошо, – с удовлетворением констатировал я. – Значит, крыша на месте».

Наконец глаза все же удалось открыть, и я смог более или менее оглядеться. «Помещение… Нет, комната, точнее палата». Действительно, я находился в комнате, до боли напоминающей больничную палату своими покрашенными тошнотворного цвета краской стенами, аскетичным убранством и, конечно, специфическим запахом чего-то едкого медицинского и мочи. «Точняк больница! Только… какая-то хреновая». Яркий свет, лившийся из окна, мне уже не мешал, и я с тяжелым чувством отмечал многочисленные огрехи – зеленоватое пятно мокнувшей стены в самом углу палаты, в нескольких местах отвалившуюся штукатурку, деревянный табурет, выглядевший сошедшим с экрана старинного кинофильма. «Вот тебе и реформа здравоохранения и, мать его, национальные проекты! Какие к черту томографы за миллионы долларов? Тут вон крыша течет и штукатурка сыпется… Черт, неужели в Самаре такая больница?! Город-миллионник, а палата похожа на пещеру! И, в конце концов, где все? Люди… Б…ь!»

К моему несказанному удивлению, мне не то что не удалось закричать, но и толком-то замычать. Я открывал рот, пытаясь позвать на помощь, но так и не мог издать ни звука. «Ни хрена себе съездил в Самару посмотреть бункер, мать

его, Сталина…»

В этот момент со стороны коридора отчетливо послышался звук шагов. Судя по неравномерному скрипу половиц, один из проходивших шел тяжело, а второй вроде как семенил. Вот за стеклом дверей показались силуэты темных фигур, которые почему-то совсем не спешили заходить. Наконец дверь широко распахнулась, и внутрь зашел немолодой мужчина в старинных очках и с небольшой бородкой, а из-за его спины нетерпеливо выглядывала девичья конопатая мордашка.

«А вот и хозяева, – я скосил глаза на вошедших, пытаясь узнать о них как можно больше. – Мужик точно врач. Держится важно, хотя явно чем-то сильно удивлен. А эта пышечка, что за ним, по всей видимости, медсестра. Пухленькая и чертовски смешные веснушки по всему лицу… Ну и чего смотрим? Чего молчим?»

Видимо, мне удалось изобразить лицом невысказанный вопрос, отчего врач, негромко кашляя, подошел ближе и осторожно присел на тот самый древний табурет.

– Так-с, так-с, молодой человек… – негромко начал он, цепким, прямо-таки полицейским взглядом всматриваясь мне в лицо. – И как мы себя чувствуем? Будьте добры, рот… – какой-то палочкой он решительно зашуршал у меня во рту. – Хорошо. Что же это мы отвечать не хотим?

Заерзав на постели, я уже хотел возмущенно замычать, но меня опередила девушка.

– Владимир Александрович, он же не говорит, – едва это прозвучало, я тут же задавил свое мычание в самом его зародыше, нараставшие как снежный ком странности меня начинали уже напрягать, заставляя проявлять осторожность. – Бабка его сказала, что он уже больше года не говорит. Мол, когда его волки в лесу подрали, совсем замолчал, даже мычать перестал. Получается, юноша понимает все, а говорить не говорит…

Слушая все это, я в недоумении переводил взгляд то на врача, то на медсестру. С каждым произнесенным в палате новым словом моя ситуация становилась все более и более запутанной. «Бабка? Волки? Что это за бред? Меня же в бункере едва не задавило! И какой, к лешему, юноша? Что это за дерьмо?»

Доктор, что-то негромко про себя бормотавший, вдобавок взял мою руку и начал нащупывать пульс. И вот тут-то, когда я увидел СВОЮ РУКУ, мне действительно поплохело! Я с каким-то мистическим страхом рассматривал свою руку, в которой не было ничего моего. «Б…ь! Б…ь! Что это еще такое? Это что за доходяжные ручонки? Где мои?»

«Это же не мои руки! Не мои! – страшные мысли как гвозди вколачивались мне в башку, напрочь отбивая все слова. – Не мои! – я вытащил из-под одеяла вторую руку, также с ужасом убеждаясь в ее чуждости. – Не мои!»

– Ничего, терпи, юноша, – мои гримасы доктор понял по-своему и, соответственно, принялся меня успокаивать. – Горло у тебя в порядке. Так еще болтать будешь, что не остановишь. Девчонкам вон такие сказки будешь рассказывать. Хи-хи, – хихикнул в бородку врач, кивая в сторону тут же зардевшейся медсестры. – А сейчас сожми-ка руку. Ого-го, жмешь-то как сильно. Чай, знак БГТО уже есть?

Растерянно наблюдая за медицинскими манипуляциями доктора, я медленно переваривал происходящее.

– Не куксись, ты же мужчина! – «Неужели я выглядел настолько потерянным, что доктор снова и снова пытался меня подбодрить?» – И вообще молчуны сейчас в почете. Знаешь, как в Красной Армии они ценятся?! Я тебе, брат, скажу по секрету… молчуны, они ведь самые лучшие бойцы! А знаешь почему? – не видя особой моей реакции, он с еще большим энтузиазмом продолжил. – Потому что человеческий организм несовершенство какой-то одной своей функции пытается преодолеть и восполнить большей эффективностью другой. Словом, у незрячих прекрасный слух, у глухих великолепное осязание, ну и так далее.

Автоматически кивая на его действительно отвлекающую болтовню, я поднял голову. «Странно, что он еще классику Полевого “Повесть о настоящем человеке” не вспомнил. История безногого летчика Мересьева, вновь поднявшегося в небо за штурвалом истребителя, была бы в самую точку… Б…ь! Да, какой к черту Полевой?! Мересьев?! О чем это я?»

Я резко тряхнул головой, пытаясь прийти в себя от этого успокаивающего, словно обволакивающего голоса доктора. «Это все неправильно! Все не так…» На мое возбуждение тут же среагировал врач, крепче сжав мою кисть. Судя по

вытащенным из кармана часам, он пытался измерить мой пульс. «Что со мной происходит? Это глюки, что ли, от наркоза? Меня прооперировали и теперь снится какая-то хрень?!»

Эти переполнявшие меня, одна другой безумней, мысли снова и снова заставляли обращать внимание на конкретные детали окружающей обстановки. «Эта обшарпанная палата с койкой и табуретами времен моей бабушки… Конопатая медсестричка в каком-то странном на вид халатик и без всякого намека на косметику… А врач в кургузом пиджачке с жилеткой и часами на цепочке вообще выглядел словно уездный учитель начала XX века… И мои руки… Руки… А остальное? Что тогда с моим телом?»

Я резко ткнул пальцем в сторону небольшого зеркальца, что лежало на прикроватной тумбочке.

– Шрамы думаешь на лице поискать? – проследив за моим взглядом, врач вновь усмехнулся. – В моем детстве, когда я зачитывался романом Буссенара «Капитан Сорви-голова» и хотел сбежать на помощь к бурам, шрамы очень ценились.

Наконец зеркальце оказалось у меня в руке. «Мать твою! Какой Буссенар?! Какие буры?! И лицо не мое…» Из зеркальца на меня смотрел совершенно чужой человек – немного скуластое, с твердо сжатыми губами, лицо совсем молодого парнишки. «Нет, это точно какой-то глюк! Глюк системы! Матрица, б…ь!» Не выдержав, я потянулся к лицу рукой и начал ощупывать кожу. Признаться, каждую секунду с каким-то нехорошим предчувствием я ожидал, что пальцы коснутся чего-то ненастоящего, резинового, какой-то маски. «Черт! Кожа, настоящая, теплая… А если ущипнуть? Б…ь, больно… Это точно не мое тело! Но как так?! Я-то здесь! А мое тело где?!»

От скачкообразно нарастающей паники меня спасла смоченная нашатырем ватка, быстро поднесенная к моему носу девушкой. Едкий запах быстро прочистил мне мозги.

– Да вы, молодой человек, видно еще не оправились от удара, – доктор покачал головой, с тревогой всматриваясь в мои глаза. – Боюсь, у вас может быть сотрясение головы. По крайней мере, все симптомы на лицо… Ну ничего, отлежишься немного, поправишься. А Лидочка вон за тобой присмотрит, – судя по решительному виду медсестры, за меня она готова серьезно взяться. – В

туалет-то хочешь?

Я растерянно кивнул. Как оказалось, моему мочевому пузырю было плевать с высокой колокольни на все мои переживания, о чем он недвусмысленно и напомнил.

– Сам дойдешь? Тут недалеко, – врач махнул рукой куда-то в сторону коридора. – Халат только накинь… Лидочка, будьте добры, покажите молодому человеку, где у нас удобства.

Откинув одеяло, я недоуменно уставился на черные трусы – длинные, широкие, почти до колен. Такого странного нижнего белья я даже в армии не видел. Но хмыканье доктора тут же напомнило мне, что «светить» трусами в присутствие девушки не совсем удобно и пора надевать больничный халат.

– Что-то мне не нравится это… – уже когда я находился у двери, до меня донеслось приглушенное бормотание доктора. – Совсем не нравится…

Остальное я уже не слышал, да и не хотел слышать. При ходьбе в туалет хотелось еще сильнее, отчего все посторонние мысли не сильно задерживались в моей голове. Однако не тут-то было…

Это еще что за древность? Почти пробежав первые несколько метров, я вдруг непроизвольно замедлил шаг от того, что мой взгляд зацепился за висевшие на стенах странные плакаты. «Они тут ремонт не делали с мохнатых годов? Какие, к черту, товарищи? Осавиахим?» С первого плаката, висевшего на стене в метре, на меня смотрела строгая бабка в глухом платочке с грозной надписью над головой: «Не верь знахарю!». Со второго плаката с не менее строгим лицом в мою сторону глядела женщина в белом халате, называющая всех товарищами и призывающая вступать в общество Красного креста. «Красный крест… Еще кто-то знает о нем?»

Сделав еще несколько шагов, я самым натуральным образом споткнулся. «Бляха-муха, ну это уже не смешно!» На третьем плакате был изображен серьезный врач, читающий какой-то журнал. Но взгляд мой был направлен совсем не на него, а на совершенно безумную по своему содержанию надпись: «Подписывайтесь на медицинские журналы на 1941 год». «Что это за цирк? Розыгрыш, что ли?» Я растерянно огляделся по сторонам, но не обнаружив

ничего из ряда вон выходящего, вновь уставился на этот плакат. «Совершенно новый. Не замызганный. Словно вчера только напечатали… Б…ь, вот только в штаны еще осталось наделать».

Мочевой пузырь вновь дал о себе знать, и я чуть согнувшись поковылял в сторону обшарпанной двери в конце коридора, на которую мне показала медсестра. Прямо за дверью меня ждало еще одно испытание – тщательно покрашенное противной зеленой краской дощатое сооружение, известное в народе под названием туалет типа сортир.

«1941 год… Старинные часы у доктора… Больница с туалетом на улице… Б…ь, что это все такое?» Кое-как взобравшись по ступенькам, я открыл дверь туалета и оказался внутри. «Ядреный духан, хотя и чисто… А что это у нас тут такое?» О чудо, на стенке в аккуратно прибитой коробочке я обнаружил пачку нарезанных газетных листочков, видимо, давнего предка туалетной бумаги.

«Ну-ка, ну-ка, что там нам скажет деревянный интернет?» Присев, я взял тоненькую пачку и быстро ее пролистал, к своему удивлению, не обнаружив среди бумажных листочков ни единой фотографии. Больше того, попадающиеся мне на глаза статьи были какие-то странные: «С прогульщиками и лодырями работу не ведут», «Стахановцам не создают нормальных условий на трелевке», «Культурно-массовая работа в загоне» и так далее, и тому подобное, посвященные каким-то экономическим вопросам и ни слова не было о политике. «Правдист – печатный орган райкома ВКП(б) и райисполкома?! Март 1941 года? Архив, что ли, какой порезали?» Мой мозг все еще пытался отыскать какое-то логическое объяснение всем этим диким то и дело всплывающим фактам и явлениям и совершенно отказывался воспринимать очевидное. «А что, чистили свои запасники, чердаки, подвалы. Не выбрасывать же? Сдавать макулатурой – это копейки, а так несомненная польза! Точно… Ну кто в здравом уме сейчас будет так писать? В колхозе “Красный уссуриец” Шандова Дарья Ульяновна, доярка МТФ, решила добиться права участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке».

Я снова и снова мял газетную бумагу, всматривался в дату издания, ее наименование. «Но ведь как новая. Если бы газета эта столько лежала в какой-то кладовке, то сейчас бы напоминала скорее наждачную бумагу, чем собственно саму газетку».

Но окончательный удар по моей еще державшейся картине мире нанес странный персонаж, встретившийся мне уже на улице.

– Эй, щегол, курить есть? – из-за открытой двери туалета на меня с нехорошим прищуром смотрела щербатая харя (другого слова было просто не подобрать для этого отталкивающего, покрытого крупными оспинами лица с золотой фиксой на месте одного из передних зубов). – Что зенки лупим? Курить, говорю, бар?

«Ба, Сенька Чалый из фильма “Ликвидация”! Охренеть!» Конечно, встретившийся мне субъект оказался лишь очень похожим на него. Эта та же самая гнусавая и наглая речь, растянутая майка с накинутым на плечи широченным пиджаком, шикарные яловые сапоги. Словом, на меня смотрел какой-то уркаган из довоенных годов.

– Че замер как статуя? – ловкие пальцы опытного карманника быстро прошлись по моему телу, как и ожидалось, ничего не найдя. – Пустой, – с явным сожалением протянул мужичок и неожиданно дал мне подзатыльник, отчего я чуть не слетел со ступенек. – Канай отсюдова.

Отойдя к стене больницы, я почти с минуту приходил в себя. Окружающая меня реальность, от которой я с таким упорством открещивался, все настойчивей и настойчивей окружала меня, не оставляя мне никакого выхода. «Это не мое тело… и не мое время. И не сон, и не глюк… Все слишком реально. Боль, запахи дерьма, звуки».

Вдобавок со стороны дороги, обдав меня волной пыли, пролетел старинный кургузый грузовичок без дверей. Опознать эту рабочую лошадку сороковых и пятидесятых годов было нетрудно, благо фильмы о войне в последние годы крутились почти по всем каналам с завидной регулярностью. Это была знаменитая полуторка – ГАЗ-АА, верой и правдой служивший во время Великой Отечественной войны и советским и немецким войскам.

«Все! Хватит! Мне нужен календарь. Должен же быть в этом здании календарь?!» Хлопнув дверью, я ворвался в коридор и быстро пошел в сторону видневшегося стола с бумагами, за которым кто-то сидел.

Однако когда до стола и висевшего над ним куска бумаги, очень напоминающего календарь, осталось всего ничего, откуда-то со стороны мне наперерез бросился комок чего-то темного.

– Митий, Митий! – раздался оглушающий радостный детский визг, и в мою ногу кто-то с силой вцепился. – Митий плишол! Митий плишол!

Это была девчонка лет четырех со смешными торчащими в разные стороны косичками, крепко обнимавшая мою ногу и что-то лопотавшая. «Что это у нас за чудо такое?» Едва отцепившись от ноги, взъерошенное чудо тут же полезло ко мне на руки, где и с удобством устроилось.

– Баба, баба! – вновь закричала девчонка в сторону моей палаты, откуда, собственно, она пулей и вылетела. – Мoти, Митий плишол!

«Значит, Митий, то есть Дмитрий, это я. Хорошо, хоть имя родное… А вот это, по всей видимости, и есть баба! Ни хрена себе! У такой точно не забалуешь». Из той же палаты неторопливо выходила аскетичного вида старушка в темном платке с таким тяжелым взглядом, что мне сразу же дико захотелось куда-то спрятаться от такого взора. Она не просто смотрела, а словно обвиняла в чем-то и тут же судила.

– Все так и молчишь молчуном, – угрюмо окинув взглядом, она даже не спросила, а, скорее, констатировала факт моего молчания. – Дурья башка… Думала, хучь дохтур тебе поможет. Собирайся давай, поедем назад. Хватит тут бока отлеживать.

«Ни хрена себе встреча горячо любимых родственников с больным!» Я уже было хотел что-то замычать в ответ, как меня опередил стоявший рядом главный врач.

– Ну что вы, бабуля. Куда он сейчас поедет? Вон посмотрите на него, желтый еще весь, – доктор махнул на меня рукой, словно на тяжелобольного. – Ему еще лежать и лежать, молочко со сметаной кушать. А с усиленным питанием мы его быстро на ноги поставим.

– Молочко со сметаной? – вдруг взъярилась бабка, словно сказано было что-то крамольное и оскорбительное. – Откуда?! С хлеба на воду перебираемся. В

огороде вона не скошено, не вскопано. А эта орясина здесь на пуховых перинах почивать вздумал. Ну, подумаешь, тюкнуло его телегой. Чай, руки-ноги целы, а на башке-то се заживет, – врач аж с такого наскока сухонькой бабули отступил назад. – Приседатель уж третий день к нам как на работу ходит, все про Митьку спрашивает – когда да когда тот выйдет? Я, говорит, вам потом зерна выпишу для курей, соломки на избенку… Ты, мил человек, давай-ка выпускай Митьку. Да документ нам какой нужно сладь, чтобы вопросов ни у кого не было.

Покачивающий головой доктор осторожно взял под локоть все еще продолжающую говорить бабулю и повел ее в сторону стола дежурной. Я тоже направился туда. Мне все еще нужно было собственными глазами посмотреть на календарь, висевший там. К тому же нельзя было пропустить и разговор бабули с врачом, так как для моего положения сейчас была жизненно важна любая информация.

– Здоров он как бык, милок, – продолжала упрямо бормотать бабушка. – А синяки-то сойдут за пару ден, не сумлевайся. Домой нам надо, ты уж поспособствуй.

– А если что-то серьезное? – все еще упирался врач, но, видимо, больше для проформы.

Я же тихой мышкой стоял возле стола, на котором как раз и лежали то ли моя медицинская карта, то ли какой-то журнал с историей моего лечения. Словом, несколько сшитых листов, на которых мелькало мое имя, лежали прямо перед моими глазами. «Я точно Дмитрий. Правда, фамилия моя здесь другая – Карабанов. Ничего, могло быть и хуже… Что там дальше? Боже, что за каракули?! Похоже, у всех медиков с почерком просто беда. Так… Мне пятнадцать полных лет, и родился я 5 февраля 19… мать его, 26-го года?! Бляха-муха! 26-го года! Все, амбец! Вот тебе и съездил в Самару…» Я оторвался от бумаг на столе и ошалелым взглядом зацепился за висевший календарь, на верхушке которого большими ярко-красными буквами было написано: «Табель-календарь» и чуть ниже: «1941 год». «1941… 41-й… Б…ь, 41-й год! Не 60-й, не 70-й и не 80-й, а год начала великой мясорубки! Черт, черт, а день-то какой?»

Я с такой силой вцепился в край стола, что хрустнули суставы пальцев. «Число какое? Число? Дата?» Шаря глазами в поисках хотя бы каких-то отметок на настенном календаре, взглядом я старался обходить июнь…

– Боец, ты чего застыл-то? – из этого оцепенения меня вывел хриплый голос врача, видимо, уже закончившего разговаривать с моей бабулей. – Ха-ха, подсчитываешь сколько здесь провалялся. Не бойся, не так долго. Поступил ты к нам шестого…

«Что ты, мать твою, тянешь?! Месяц какой?»

– Да, точно, именно шестого тебя привезли к нам. А сегодня, собственно, девятое июня, – главный врач оторвался от календаря и успокаивающе посмотрел на меня. – Вот что, брат, я бы тебя, конечно, еще оставил под наблюдением, но уж больно бабушка твоя просила выписать. Смотри, тут я на бумаге кое-что написал тебе про режим. Старайся несколько дней не перенапрягаться. А если что, сразу же к нам. Ясно?

Что он там говорил, о каком режиме и пилюлях, я уже не слышал. Собственно, после прозвучавшей даты – 9 июня – мне уже вообще ни до чего не было дела. НИ ДО ЧЕГО!

– Посли, Митий, – в некотором ступоре я сжал ладошку сестренки, которую она доверчиво вложила в мою, и пошел в сторону выхода. – Посли, посли.

Однако я шел так медленно, что с ее непоседливой натурой это было просто невозможно выдержать. Пару шагов она еще терпела, прыгая и кривляясь, потом наконец вырвала свою ладошку и вприпрыжку понеслась к выходу.

«Черт, черт, война. Война, мать его, через какие-то несколько недель так долбанет, что еще целую эпоху будем о ней вспоминать… Б…ь, мы ведь еще в Вязьме находимся! В той самой Вязьме, мать твою! Куда меня к черту занесло?! Это же Вязьма! “Черный октябрь”, сотни тысяч человек пленено и убито!» Меня аж пот пробил от перспективы сидеть здесь и ждать в том месте, где будет проходить направление главного удара немецко-фашистских войск… Нет уж! Ну его на хрен! Надо валить отсюда и желательно подальше! Солдат из меня явно малахольный. Чем я вообще немца встречать буду? Хлебом-солью, массажем акупунктурных точек?»

В этот момент, прерывая мой напряженный внутренний монолог, с улицы раздался детский крик, сразу же сменившийся всхлипыванием и плачем. «Ребенок! Настя!» Я тут же вспомнил так обрадовавшуюся мне девчушку,

доверчиво прижимавшуюся к моей груди и единственную, кто будил во мне теплые эмоции в этот день.

До распахнутой двери, из которой была видна часть улицы, был какой-то десяток метров, который я пролетел, почти не касаясь пола. Потом прыжком перескочил порог и невысокое крыльцо и оказался на пыльной дороге… перед самым носом уже знакомого мне уркаганистого мужичка. Тот, опустив голову, огорченно рассматривал разбитое стекло здоровенных золотистых часов на цепочке.

– Вот же сикуха бешеная, – смачно сплюнул он в пыль, поднимая голову и замечая меня. – Опять ты… Уж не твоя ли это сеструха? – потрясая рассыпающимся стеклом часов, он кивнул в сторону… сидевшей прямо на пыльной дороге девчушки и баюкавшей разбитую в кровь коленку. – Ну, шкет, готовь карбованцы. Эта мокрощелка котлы такие знатные разбила, что в подарок уважаемому человеку пойти должны были. А теперь мне по гроб жизни будешь должен. Сечешь?

И этот плюгавый, брызжущий слюной дядька с наезжавшей на глаза кепкой подошел ко мне вплотную, дыша на меня вонючей махоркой.

– И чтобы сикуху эту я больше тут не видел? За такие котлы могут и продыряви… Сечешь, мелкий? – он развязно, с откровенным презрением, цедил каждое слово.

«Да, секу!» Этому карманнику-щипачу, уверенному в своей силе, просто не повезло. Еще несколько минут назад я бы точно так же, как и у туалета, просто прошел мимо, не обращая на него никакого внимания. Сейчас же я стоял перед ним в таком взвинченном состоянии, что напоминал не человека, а первоклассный порох, которому было достаточно лишь искорки для пламени.

«Секу!» Делая шаг вперед, я с силой вколотил до боли сжатый кулак в грудину этому уроду. «Секу!» От удара точно в солнечное сплетение (спасибо знанию акупунктуры) урку просто снесло с места и бросило на землю. «Секу!» Нарастающие рыдания Насти меня заводили все сильнее и сильнее. «Секу!» Я подскочил к валявшемуся телу, пытавшемуся отдышаться, и пробил ему еще один футбольный удар ногой прямо в живот. «Секу!» Злосчастные часики, бренча цепочкой и осколками стекла, разлетелись во все стороны золотистыми

кусками. «Секу!» Я бил его снова и снова, вымещая свою злость, отчаяние и беспомощность.

– Стой! Стой, твою мать! Ты что, щенок, творишь? – кто-то сильный и большой вдруг схватил меня и легко поднял в воздух. – Ты же его всего измолотил… Ну-ка, постой на месте, – меня, словно куль, поставили на место и к носу поднесли здоровенный волосатый кулачище, и только после этого я смог рассмотреть его хозяина – высокого, одетого в запыленную синюю форму милиционера. – Эй, гражданин, с вами все в порядке? Осторожнее, осторожнее. Давайте, руку придержу… Оба-на, старый знакомый! – милиционер вдруг криво улыбнулся, наконец разглядев окровавленное лицо стонущего от боли урки. – Гражданин Миронин. Что же ты какой невезучий? Только с нар и снова в историю попал… А это у нас что такое?

Цепкий взгляд постового вдруг задержался на расколотых часах, валявшихся в паре шагов от места драки. Судя по его удивленной улыбке, они ему явно были знакомы.

– Да, Миронин, сегодня точно не твой день… – раскуроченный механизм покачивался на цепочке прямо перед глазами уркагана. – Только не говори мне, что вот эти золотые «капитанские» часы Patek Philippe, что вчера кто-то тиснул у американского специалиста, ты в глаза не видел? Не-е, точно не твой день. Сначала тебя вон малек так отделал, что посмотреть душа радуется. А теперь еще и за часики у меня присядешь…

Только что смотревший на него исподлобья мужичок, вытирающий кровь и слюни с разбитого лица, вдруг как-то по бабьи заголосил:

– Беспредел творишь, гражданин начальник. Кореша своего подговорил котлы подбросить, а я страдай! Не мои они! В первый раз вижу! Ты лучше у фраера этого поспрашай, откуда котлы эти… А мне, гражданин начальник, в больничку надо. Вона как меня корешок ваш изувечил.

Милиционер махнул на него рукой и наконец-то повернулся ко мне.

– Не узнал, что ли? – судя по его широкой улыбке, он-то меня явно узнал. – Дядя Гриша. Бати твоего брат. Вот таким крохой тебя на руках качал… Смотрю, все молчишь. Ну ничего. А смачно ты его приложил, – вдруг он подмигнул мне. –

Миронин до сих пор аж отдышаться не может. А он ведь в драке-то очень непрост, очень… Батька, поди, учил?

Я кивнул, а что еще нужно было сделать. Каждая новая встреча, каждое новое слово позволяли мне все лучше и лучше врасти в этом времени и, кто знает, возможно, остаться здесь.

– Баб Маня, здравствуй, – из-за двери показалась бабуля с вытянувшимся от удивления лицом. – Как здоровьичко? Ничего? Да не беспокойся ты. Все хорошо. Ничего твой не набедокурил… Наоборот, молодец он у тебя. Хулигана задержал. Герой, как и батя его… Вы сейчас домой, поди? Может, подброшу вас до станции? С ветерком.

Ну и кто откажется от предложения не плестись по жаре несколько километров до железнодорожной станции, а пролететь это расстояние за несколько минут на машине. Словом, уже через час мы – бабуля и я с Настей, спокойно посапывающей у меня на руках, – сидели в купе поезда, куда нас без всяких вопросов пристроил какой-то знакомец бабули.

Глава 3. Кто виноват и что делать?

Интерлюдия 2

Смоленская область г. Вязьма

Лютовская больница

Лида, та самая медсестра с веснушками, что дежурила сегодня, еще долго провожала взглядом тарахтевший автомобиль, увозивший на вокзал их необычного пациента. Естественно, девушка никому и никогда бы не призналась, что ее любопытство было связано не только со странным поведением этого парнишки, но и с ним самим.

«Как он налетел на этого противного хулигана! Раз, два, и тот уже лежит в пыли!» Украдкой вздохнула она, вспоминая увиденную драку их пациента и замучившего всех урки. «И как это у него ловко получилось… А наши все подходить к нему даже боялись».

Колченогий автомобиль с высокой складной крышей исчез за поворотом, а девушке уже давно пора было идти на рабочее место, но ее все никак не отпускали мысли о симпатичном парнишке. «Только странный он какой-то. Смотрел на все так, словно в первый раз все это видит… А как увидел наш стеклянный шприц для уколов, даже расхохотался. Хм, какую-то кавказскую пленницу вспомнил. Что за кавказская пленница? Никогда об этом не слышала».

Брови ее вдруг нахмурились, а лобик прорезали глубокие морщины. Ей вдруг подумалось, что это он над ней смеялся. Правда, решительно мотнув головой, тут же она отогнала эту так некстати скользнувшую мысль. «Нет, он не такой. А все же интересно, что эта за кавказская пленница?.. Потом он еще что необычное говорил, когда только очнулся. Как уж он там сказал-то? Какого-то Путина упоминал, про национальные проекты, кажется, что-то говорил… Это про какого Путина? Про сторожа нашего, что ли? А при чем тут он?»

Интерлюдия 3

Смоленская область

Несколько раз смачно плюнув на вытащенный из кармана форменной тужурки платок, Порфирий Григорьевич, проводник поезда Москва – Минск, начал натирать бронзовую ручку одного из купе.

– Эх… – снова и снова он пытался вычистить замызганную тысячами прикосновений бронзу. – Грязь, одна грязь. Совсем все не то… А как ведь было…

Он еще помнил железную дорогу в те времена, когда в купейных вагонах путешествовали лишь важные одетые с иголочки господа, сверкающие аксельбантами офицеры, источающие вокруг себя нежный аромат парфюма дамы.

– Все было чинно, благородно, – продолжал бормотать проводник. – И, главное, все разговоры вежливые, с обхожденьицем… Эх, и здрасте вам, и пожалуйте, и милости просим. А кто и рублем тебя пожалует, а может, и пятью. Это если какой господин перед дамой себя показать хочет… Эх, а щас, голытьба одна! Тьфу ты господи!

Так разговаривая сам с собой, он и не заметил, как дверь в дальнем купе открылась и оттуда вышел невысокий паренек лет пятнадцати – шестнадцати, в простых темных штанах и сатиновой рубахе. Он медленно прошел по коридору, пристально разглядывая широкие окна, массивные двери с большими бронзовыми заклепками по периметру.

– Здравствуйте, – от вдруг раздавшегося прямо над ухом голоса проводник мгновенно прекратил бормотание и с кряхтением выпрямился. – Не оттирается? «Комет» вроде помогает… Чайку бы мне.

Порфирий Григорьевич пока прятал платок, с подозрением рассматривал подошедшего паренька. Уж больно он напоминал ему ту самую голытьбу, о которой он только что вспоминал. «И чего он гутарит? Комет какой-то… А вроде и не хулиган. Одежонка, конечно, простовата, но чистая, опрятная. Да и бражкой от него не прет, как от некоторых…»

– Чаю надо? Хорошо, сейчас плеснем чайку, – пробухтел он в бороду, все-таки признавая за мальцом право войти в когорту более или менее нормальных пассажиров своего вагона. – Пошли.

Они прошли по коридору до самого конца вагона, где и располагалась каморка проводника. Порфирий Григорьевич вытащил один из стаканов с громадным подстаканником, украшенным еще старорежимным орлом, и плеснул туда кипятку.

– Что, заварки-то нету? – усмехнулся он, глядя на паренька, недоуменно смотревшего на пустой кипяток. – Эх, тетеря. Ладно, есть у меня запасец.

Парень же, осматриваясь по сторонам, вдруг спросил:

– А что, там печений, конфет, газет не продаете?

Тут уже пришла очередь проводника удивленно хмыкнуть. «Ха, что удумал! Отродясь такого не было. Бутылочку белой, конечно, можно было за три или четыре цены из-под полы загнать, но чего другого… А ведь голова! Что бы и правда всяким съестным припасом не приторговывать? В Минске можно недорого взять и сала, и бульбы, а ближе к столице все и сбыть. Конечно, не ко всякому подойдешь с таким товаром. Здесь вообще ухо востро надо держать…»

* * *

Смоленская область

Мерно стучат железные колеса, негромко поскрипывает старинный вагон, создавая при этом ту самую неповторимую убаюкивающую мелодию поездки на поезде. Уже давно заснула Настя, уютно устроившись между мною и бабушкой и положив свою головку ко мне на плечо. Чуть позже задремала бабуля, отложив в сторону небольшую рукописную книжицу с церковными акафистами. Лишь только у меня сна не было ни в одном глазу: как сыч я сидел, уставившись в одну точку, и усиленно размышлял над двумя извечными русскими вопросами: кто виноват и что делать?

В принципе, с ответом на первый вопрос мне все было более или менее понятно. В произошедшем виновато поганое чудовище с тремя головами. Первая голова – это мой брат, которого черт дернул вытащить меня в Самару; вторая – это, собственно, я, который на какой-то хрен уселся на этот чертов стул; третья – это тот самый чокнутый профессор Виноградов, что изобрел проклятый телепортатор.

С ответом же на второй вопрос была самая настоящая засада! Что делать? Что? В моей голове была настоящая каша. «За границу дернуть? А что, махну в Крым, наймусь на какую-нибудь рыболовецкую калошу, скорешусь с местными и давай, до свидания… Или через горы в Иран и Турцию, благо дорожка мне немного знакома… Или попробовать в США рвануть? Со знанием будущего буду там как сыр в масле кататься! Б…ь, что за дерьмо мне в голову лезет?! Бежать собрался! Красавец!»

Знаете, я не квасной патриот, не плююсь ядом при виде американского флага и не готов сносить Ельцин-центр, но обязательно каждый год 9 мая смотрю Парад Победы, с большим удовольствием пересматриваю любимые фильмы про войну и

с трепетом перебираю награды дедушки. И эту Великую войну я знаю не только со красивой и героической стороны, но и с грязной, кровавой и смертельной. Со слов деда о предательстве лучших друзей, о горькой лебеде вместо хлеба, о горящих заживо сослуживцах мне знакома и эта неприглядная часть войны.

Словом, Великая Отечественная война для меня, как для миллионов других, уже давно стала сакральной, где столкнулись в смертельной битве силы добра и света с силами зла и тьмы. И каждый из нас (хотя сейчас правильным будет говорить: многие из нас) с молоком матери, с самого детства впитал этот дух победы над страшным врагом. Именно поэтому сейчас даже сама эта мысль о бегстве из страны показалась мне крамольной. «Бежать… Послать все и вся к черту и свалить из страны?! Как там в фильме “Брат 2” бешеный таксист говорил: “сегодня Родина там, где задница в тепле”. А что? Нам не привыкать. Одну Родину просрали в 90-х, просрем и здесь!» Я словно гнойный нарыв на теле давил и давил в себе это рвущееся дерьмо – страх, нерешительность, неуверенность.

– Что ты аки шелудивый елозишь?! – вот же незадача, своими метаниями случайно разбудил бабулю. – Рабенка вон разбудишь.

Сделав виноватое лицо, я закрыл глаза и снова погрузился в раздумья. «Что тогда делать? Предупредить Сталина обо всем этом дерьме? Как? Разговаривать я толком не могу. Попробовать написать письмо?! Кто вообще поверит!» Я же прекрасно помнил, как Кремль с огромным подозрением относился ко всем сообщениям о скором начале войны. Только за май на стол Сталина легли более десятка разного рода разведывательных сообщений из не связанных между собой источников. Сообщения шли из самой Германии, Японии, Англии; о скором нападении сообщали многочисленные перебежчики; в депешах пограничников говорилось о начале развертывания у границ Союза передовых ударных немецких частей. «И тут я, такой красивый, ванговать начинаю. Пишу, так, мол, и так, дорогой товарищ Сталин, я из будущего и сейчас расскажу вам всю правду! Ну это же бред! Более того, это крайне опасный бред, за который я с легкостью отправлюсь в лагеря лес валить».

С мысленным стоном от такой перспективы я открыл глаза. Вокруг по-прежнему никому и ничему не было никакого дела до моих терзаний. Наш вагон все так же, издавая убаюкивающие звуки, медленно ехал на запад от Вязьмы, бабуля дремала, а маленькая кроха крепко спала.

«А если рвануть в Самару, найти эту машину и…» Признаться, идея через несколько недель оказаться в компании с маленькой девочкой и еле передвигающей ноги бабулькой на острие немецкого удара меня не особо прельщала. Да, если честно, именно сейчас какой из меня боец? Что я могу такого, что позволит мне на поле боя выжить? Да-да, я не говорю о победе, красивых подвигах и героических походах, а всего лишь о том, чтобы выжить на передовой! С винтовкой, что со штыком длиннее меня, я вряд ли в кого попаду, а, скорее, сам наколюсь. Применить на поле боя против наступающей матерой пехоты противника, имеющей за плечами огромный опыт боев по всей Европе, какие-то суперновые тактические приемы? Не смешите меня! Если я что-то и помню из виденных по телевизору тренировок спецназа, морской пехоты или десантуры, то вряд ли смогу все это здесь воспроизвести… Не выйдет из меня и знатного партизана-диверсанта. Все эти красивые картинки из героических фильмов про партизан для меня остаются лишь картинками, от которых до реальной жизни, как до Гималаев пешком. Я ни черта не знаю о настоящей маскировке, о правильном хождении по лесу, об особенностях диверсионной работы! Да вообще смогу ли я вот взять и убить человека?!

«Б…ь, какая Самара? Какая, к черту, машина? Этот же проклятый бункер начали строить только тогда, когда над страной нависла здоровенная задница, – я наконец вспомнил рассказ экскурсовода о начале строительства бункера. – Черт! – тут меня осенила крайне неприятная мысль. – Это же получается… Если я все-таки смогу как-то связаться со Сталиным и он сможет дать пинка немцам, то тогда и бункер не начнут строить… Все, ЖОПА!»

Со скрипом на зубах я снова открыл глаза. Пытаясь хотя бы немного успокоиться, я стал разглядывать своих новых родственников. Вот, у окна сидела и дремала бабуля, даже во сне умудряющаяся сохранять строгое и недовольное выражение лица. Ее тонкие поджатые губы, немного крючковатый нос и тщательно зачесанные назад волосы, слегка видневшиеся из-под темного платка, словно говорили окружающим: «не подходите ко мне и не заговаривайте со мной, у меня и без вас хватает проблем и забот». Полную противоположность собой являла Настя – кудрявый ангелочек в легком платье, лицо которой выражало полную безмятежность и довольствие.

Я смотрел то на одну, то на вторую, потом переводил взгляд на проносящиеся мимо нас деревья, столбы, одинокие деревенские избы. Все это было таким спокойным, мирным… Мне же в это мгновение внезапно пришла в голову страшная мысль о том, что все скоро изменится, и на долгие годы люди будут

жить лишь одной войной. «И больше ничего не будет прежним! От голода умрут сотни тысяч женщин и детей, миллионы мужчин погибнут на фронте… Вы просто еще не знаете об этом. Вы все уже трупы!» С наворачивающимися на глазах слезами я гладил по голове вновь обретенную сестренку и с ужасом понимал, что она-то, скорее всего, погибнет в первую очередь. Как дочь красного командира, ее на оккупированной территории не ждало ничего хорошего. Перед моими глазами проходили страшные образы надвигающейся войны – скалящие зубы немецкие солдаты, пустые глаза русских женщин, высохшие до состояния мощей детские трупики, километры колючей проволоки на высоких изгородях лагерей.

Так я сидел еще долго, пока, к своему удивлению, не осознал, что меня начало отпускать. Исчезло или, точнее, притупилось это тяжелое чувство надвигающего апокалипсиса, которое еще некоторое время назад грызло меня, словно злобный пес, и теперь я вновь мог более или менее спокойно подумать о своем будущем.

«Не о том я думаю… Письмо, Сталин, партизанщина, профессор Виноградов с его телепортом… Нет, черт побери, не о том я думаю, – взгляд в проносящуюся мимо пустоту, в которой нет-нет да мелькнет редкий огонек фонаря станции, чуть подтолкнул мои думы в другую сторону. – Сначала мне надо убраться из окрестностей Вязьмы. И желательно сделать это до подхода немцев. Если этого не сделать до конца сентября, то я могу попасть под немецкий каток. А вот как и куда мне свалить, это большой-большой вопрос… Вообще для любого шага мне нужна информация. Сейчас я полный ноль в местных реалиях и раскладах».

За составлением всех этих наполеоновских планов я и не заметил, как заснул. Мерный стук железнодорожных колес, приглушенный свет, тепло одеяла – все это действовало не хуже снотворного.

Разбудила же меня резко заелозившая Настя, острыми локтями больно ткнувшая меня в живот. Открыв глаза, я обнаружил, что бабуля уже проснулась и шуршала какими-то бумажками в своей котомке.

– Вставай, Митька. Ужо будет наш полустанок, – и она выразительно потрясла своим мешком. – Собирайся и Настьку буди.

Через какие-то полчаса мы уже стояли на сбитых в единое полотно просмоленных шпалах, которые, видимо, изображали собой перрон, и смотрели

вслед уходящему составу.

– Хватит рассиживаться, – бабуля закинула котомку за спину и бодро поковыляла в сторону хорошо натоптанной тропки – чувствовалось, что люди со станции именно по этой тропе и ходят. – Напрямки махнем, – она махнула рукой в стоявший непроходимой стеной лес. – Тут тропками всего ничего, с пару километров будет.

С Настей то на прицепе, то на загривке я приноровился не сразу. Лишь через несколько сотен метров вроде бы начал привыкать к вопящему и дрыгающему живому рюкзаку за спиной. Оказалось, идти через лес было не так уж и страшно. Тропка, по которой мы шли, петляла между громадинами дубов, раскидистыми кронами накрывавшими целые поляны. В одном месте тропинка неожиданно ныряла по склону оврага, заставляя нас перепрыгивать через неглубокий ручей; в другом, напротив, – ползла вверх, по поросшему густой травой холму.

«Да, у нас такого не увидишь, – перешагивая через очередной протянувшийся через тропку корень, подумал я. – В нашей полосе леса рафинированные. Здесь настоящая тайга!» И пусть это была не тайга в ее настоящем смысле, но описать увиденное иным словом у меня просто язык не поднимался. «Здесь вообще, кажется, сделаешь шаг с тропы и потеряешься… Знатный лес… Партизанский».

Через несколько километров, когда мы вышли на проселочную дорогу, нас догнала скрипучая телега, на которой мы и продолжили наш путь.

– Как доберемся, тебе, Митька, сразу же надо к приседателю бежать, – начала бабуля, едва только пристроилась на телеге. – Чтобы пристроил тебя куда-нибудь… Слышь, окаянный?

– Вот и добрались, – наконец подал голос молчавший все это время возница – сухонький, заросший по самые глаза бородой мужичок. – Слава богу, серые сегодня на пути не шалили, – он размашисто перекрестился и подмигнул мне. – Что, Митька, чай, волков-то нашинских не позабыл?

Я скривился от такой подначки, но сразу же забыл о ней. Все мое внимание занимал открывавшийся вид на село. Любопытство мое совсем не было наигранным… Я как заведенный вертел головой по сторонам, стараясь запомнить любые подробности, которые позднее могут спасти мне жизнь.

«Улицы кривые, не то что у меня в деревне. Не поймешь ни хрена, куда идти. Как они тут строились?! Один дом окнами сюда, другой в обратную сторону, – село словно оседлало несколько оврагов и холмов и поэтому казалось каким-то многоуровневым. – А вот, похоже, и местная власть. Флаг, табличка какая-то. Надо запомнить… Кажись, сворачиваем. Бог мой, что это за халупа? Может, нам не сюда?!»

Заросший бородой мужичок что-то протяжно прогудел, натянув поводья, и его лошаденка встала как вкопанная. Стало быть, я не ошибся – нам именно сюда. «Вот, значит, ты какая, Старая Падь. Б…ь! Дерьмо!» Спрыгнув с телеги, я тут же вляпался в свежую, еще дымящуюся коровью лепешку. И это, по всей видимости, очень ярко и символично отражало ту ситуацию, в которой я сейчас находился и в фигуральном, и настоящем смысле…

«Ну вот, а теперь пора “врастать” в местную среду и вершками, и корешками. Ха-ха, черт!» К сожалению, разработанного ПЛАНА «врастания» у меня так и не появилось. ПЛАН?! Вообще о каком плане сейчас могла идти речь? О большом красивом листе ватмана с синими и красными стрелочками, ведущими на встречу друг другу?! О плане победы над Америкой, который висит у каждого уважающего себя патриота на стене под ковром? Или о плане победы над Германией? Да у меня в эти секунды буквально голова пухла от десятка целей и задач, которые все казались мне важными и нужными… Это и связь с руководителями страны, и своя эвакуация из этих мест, и создание своей команды, и поиск профессора Виноградова – создателя телепорта и так далее, и тому подобное.

Правильно же сориентироваться в этом времени и грамотно расставить приоритеты во множестве вставших передо мной задач мне крайне мешал недостаток знаний о местных реалиях. Я и шагу не мог ступить, чтобы не попасть впросак. Спасибо, еще спасало молчание и недавнее лежание в больнице! Можно было сделать просящие глаза с наворачивающими на них слезами или, наоборот, придать лицу каменное бездумное выражение, после чего многие вопросы окончательно исчезали.

Если честно, я о настоящем вообще ни черта не знал… Ни о гигиене этого времени (чем, в конце концов, зубы чистить? или подтираться-то?), ни о документах (какие у меня должны быть бумаги? «Уши, лапы и хвост», что ли?), ни о местной пище (а где конфеты?), ни о местной власти (кто тут в селе вообще самый главный босс?), ни о специфических оборотах речи (кто-нибудь что-

нибудь завернет эдакое, а ты ни слухом ни духом), ни о местных газетах и радио (насколько это был объективный источник информации) и так далее. Кроме этого, было еще множество нюансов, которые мне просто жизненно необходимо было знать, чтобы сойти здесь за своего и не казаться белой вороной.

Словом, я прикинул следующим образом. В моем распоряжении было примерно две недели чистого времени до начала местного апокалипсиса – до начала войны. Потом был еще примерно месяц до того, как немецкие войска появятся в этой местности. Значит, полтора месяца у меня есть!

И отталкиваясь от этого срока, я и отвел себе на добычу информации почти целую неделю. Семь дней и семь ночей – это, по-хорошему, много или мало? Целых сто шестьдесят восемь часов? Вот я проверил, насколько это время субъективно и объективно велико… Оказалось, это катастрофически маленький срок, за который было крайне сложно стать своим. Я, отводя себе эту неделю, еще мыслил категориями XXI века, когда и скорости передвижения, и каналы распространения информации, да и сама информация, были совершенно иными.

Видит бог, я даже представить себе не мог, насколько сложно оказалось разузнать хоть что-то. Чтобы получить какие-нибудь сведения даже о самых обычных вещах, мне приходилось устраивать настоящую специальную операцию, которая не всегда завершалась удачно… Вон пару дней назад в поисках самой обычной газеты я отчаялся до того, что даже попытался залезть в открытое окно чужого дома, где на столе лежали несколько пожелтевших печатных листков. Ведь по-другому раздобыть мне газету было почти невозможно! В селе ее не купить в киоске (да и денег нет), не найти выброшенной на улице (выбросить газету – да такое было просто немыслимым), не раздобыть у бабули (она явно недолюбливала советскую власть, перенося свою нелюбовь и на печать)! Оказалось, познакомиться с местными газетами можно было лишь в библиотеке, куда я пока соваться опасался. Учительница местная и так уж на меня странно косилась, когда шарился по страницам чьего-то забытого на парте учебника.

Я, конечно, не сдавался и ухищрялся как мог! Три дня я с утра и до самого вечера лазил по селу, стараясь посетить все самые важные объекты сельской инфраструктуры. Спасибо, хоть их было не так много, и находились они вблизи от бабкиного дома. Это были сельсовет, школа с библиотекой, медпункт – местный зародыш ФАПа, колхозное правление, колхозные мастерские, сельская лавка, возле которых я терся постоянно!

Еще меня сильно выручало молчание и, конечно, сам факт лежания в больнице, которые позволили «отбрехаться» от председателя колхоза. Этот деловой до ужаса мужичок, бывший вечно в «мыле», меня просто замучил, каждодневно пытаясь вытащить в поле и усадить за рычаги трактора. Придет и начинает талдычить: «Ну что ты, Митюха, опять отдыхаешь?! Уважь уж обчество. Колька, паразит, снова запил. Уже пятый день пьет без просыха, а трактористов больше нема…» Словом, бродить по селу приходится с большой осторожностью – то прихрамывая, то постанывая.

Как ни странно, но такая нехитрая маскировка хорошо помогала. И редко кто-то из сельчан обращал на меня, особенно ковыряющего в носу, внимание (за что им спасибо большое). Они сновали между сельсоветом и колхозным правлением, школой и лавкой, разговаривая, крича, ругаясь, бормоча и шепча.

Иногда мне перепадало даже чуть больше, чем обрывки малопонятных разговоров. Так, на второй день моей эпопеи в селе и вынужденного караула возле школы я стал свидетелем одного интересного разговора между той старой учительницей и отцом одного из учеников.

– Вы, Наталья Павловна, не сумлевайтесь, мой негодник все сделает, – добродушно бухтел крепкий мужчина, мявший в руках полотняную кепку. – Он эту книжку у меня всю прочитает. От корки до корки! Все про наше село будет знать! Как отче наш! Ой! – мужичок почему-то вдруг замялся, едва произнес про «отче наш». – Я говорю, все выучит…

На подоконнике открытого окна школы как раз и лежала та самая книга о селе. Судя по ее видневшейся мне обложке, это была еще не старая книжка. По всей видимости, какое-то исследование по краеведению. Словом, вы понимаете, что я не мог не сделать стойку на нее. Краеведение – это ведь не только и не столько история, это и знание о настоящем этого села и окрестной местности: карты, дороги, знаменитые жители, памятные события и еще много чего интересного и нужного мне.

– Вы уж, Фома Егорович проследите, будьте добры, – послышался строгий голос учительницы. – Он же у вас умненький мальчишка. Хулиганит только иногда. Вчера вон доску школьную воском натер. Смотрите, писать совсем невозможно.

Я встал на цыпочки и осторожно заглянул в окно. Там, в классе, пожилая женщина в темном жакете и светлой длинной юбке продолжала жаловаться на одного из своих учеников.

Та самая книга лежала буквально в нескольких сантиметрах от меня. Я даже год издания разглядел. Всего лишь 1939 год! Какая удача! Совсем свежак!

– А за эти его непотребства я ему выдам по первое число ремнем-то! – батя ученика вновь начал бухтеть. – Он у меня сидеть пару ден не сможет!

Словом, книгу я эту не мог упустить. Да чего греха таить, пришлось мне ее утащить.

В другой раз я почти полдня пролежал в лопухах, подслушивая девчачьи разговоры. Если честно, даже предположить не мог, что за бесполезной шелухой в них будет столько полезной и нужной информации! Я, конечно, опух от бесконечных разговоров о каких-то новых и ярких тряпках у бесстыдницы Аленки – председательской дочки, о смазливом парне – шофере и гармонисте. Но наградой мне стала информация о девчачьих песенниках! Да-да, об этих сшитых вместе и тщательно украшенных обычных школьных тетрадках, куда девчонки записывали понравившиеся им песни, вклеивали яркие картинки и прочее. Я же запал на нечто другое… Оказалось, там могли попасться и поистине золотые сведения – о местном роднике, о расписании поездов на ближней к селу станции, о ближайших средних и высших учебных заведениях и так далее.

Все это натолкнуло меня на одну мысль, которая поначалу мне показалось лишь интересной. Время же показало, что эта идея оказалась пророческой! Размышляя о сложностях получения информации и трудности передвижения, я задумался о помощниках. «Если уже сейчас я скатился до воровства газет и книг, то что произойдет, когда мне понадобится что-то более серьезное?! Еда, вещи, деньги, оружие, в конце концов?». По-хорошему, эта мысль о помощниках, а может и настоящей команде пришла мне уже давно, но именно сейчас она начала оформляться во что-то более или менее осязаемое. «Сейчас один я точно ни черта не смогу сделать. Для меня вон даже раздобыть газету – уже целая эпопея. Чего тут говорить про станцию или про Москву. Значит, мне нужны люди. И думать о них нужно уже сейчас, а не тогда, когда немец нам всем даст пинка под зад».

Знаете, сидение в лопухах оказалось очень эффективным. Если бы, конечно, не муравьи, я бы наверняка додумал тот самый главный ПЛАН до самого конца. «Однозначно начинать нужно с тех, кто ближе всего. А кто это? Правильно, бабуля! Надо ее для начала как-то вербануть». Муравьи кусались все сильнее и сильнее, а шевелиться особо резко было нельзя. Продолжавшие трещать девчонки за свои раскрытые тайны меня определенно бы порвали на множество маленьких медвежат. «Бабка вообще-то крепкий орешек. Такой в КГБ работать. Или как там сейчас все это добро называется? НКВД, точно! С ней придется повозиться… Вообще здесь спешить нельзя».

Однако, счастливый случай мне все же помог подобрать к ней ключик. Произошло это благодаря одной случайности, на которую я сразу и не обратил внимание… Где-то на исходе первой недели, которую я дал сам себе на подготовительный этап по сбору информации о селе и ее жителях, я решил основательно взяться за свою главную проблему – молчание. Ведь врач еще в больнице сказал, что с точки зрения физиологии у меня было все в порядке. Значит, мне нужно лишь работать и еще раз работать над своим молчанием.

Вообще-то кое-что я уже умел. Ха-ха! Мычал я прекрасно. Так мычал, что сельские коровы обращали на меня внимание, принимая, по всей видимости, за своего. Вдобавок после первых тренировок – о чудо! – у меня стали получаться кое-какие слова. Правда, было одно огромное НО! Мое горло очень быстро уставало и после длительных словесных упражнений начинало выдавать одни сплошные хрипы… Словом, для прокачивания навыка общения, без которого, в принципе, было не обойтись, будь ты хоть семи пядей во лбу, я начал каждый вечер тренироваться разговаривать. Проделывал я все это скрытно, таясь от своих новых родственников.

В тот вечер, когда проблема с бабулей наконец-то начала разрешаться, я, как и обычно, забрался в дальнюю часть двора. Здесь у задней бревенчатой стены дома я уже успел в высокой крапиве вытоптать небольшой пятачок, где, собственно, и расположился. За несколько вечеров у меня уже сложилось несколько упражнений, с которыми я и работал.

– Лы-ы-ы-ы-ы-ы, – негромко пытался я рычать, чтобы зазвучала буква «р». – Л-ы-ы-ы-ы-ы-ы. Челт! Не идет… Лыцаль, лыцаль, лано, лов, – говорил я, растягивая слова, но все равно ничего не получалось. – Челт! Челт! Плоблема…

Помучившись так с полчаса, меня вдруг осенило. «Стоп! Что это я пыркаюсь? Помнится, как-то наш всеми любимый доктор Малышева говорила про работу логопедов… Чего уж она там трындела-то?» Перехваченные когда-то с экрана телевизора фразы вспоминались с трудом. «Кажется, логопеды советовали в таких случаях говорить распевно или просто не париться и петь. Точно! Они советовали петь!» Я обрадованно потер руками. Что ни говори, а наука должна просто обязательно помочь в таком вопросе!

«Сейчас, сейчас, мы что-нибудь затянем». Я потоптался на своем пятачке, окруженном высоченной крапивой, но в голову ничего не шло. «Б…ь, уж не киркоровское ли гуано затянуть? Хотя “Цвет настроения синий” вроде и ничего». Как на грех, ничего адекватного не припоминалось. Там, в своем времени, я не был особым меломаном, хотя в машине многое и приходилось слушать. «Дожил… Нужно петь, а ничего не идет в голову!»

В конце концов я нашел песню, а точнее, меня нашла песня. Если честно, в тот момент я с чувством хлопнул себя по лбу, не понимая, и как я раньше не додумался до этой единственной песни. А, по-хорошему, какая еще песня должна была мне вспомниться в преддверии тяжелейшей в истории страны войны?! Только одна, и называется она «Священная война»!

Боже, как я пел! Я не пел, я жил этими словами! За каждым звуком великой песни перед моими глазами вставали лица сгоравших в танках советских танкистов, вгрызавшихся в противотанковых рвах в мерзлую землю женщин, орущих от диких перегрузок пилотов, встававших во весь рост под пулеметные очереди советских пехотинцев… Едва речитативом я начал напевать первые слова песни, как буква «р» чудесным образом начала звучать. И с каждым новым разом она звучала все четче и четче.

Вставай страна огромная,

Вставай на смертный бой

С фашистской силой темною

С проклятою ордой!

В какой-то момент слова песни-марша, песни-клятвы, песни-призыва я уже пел в полный голос. Правда, голос этот был нетвердым, напоминающим детский и писклявым, однако напор и мощь песни все равно чувствовались…

БАМС! Вдруг с силой хлопнула дверь нашей избушки! Я тут же заткнулся и нырнул в самую гущу крапивы, откуда прекрасно просматривалось наше крыльцо. «Вот же старая карга! Я, дурень, и не заметил, как она вернулась». Прямо перед входом, что-то бормоча себе под нос, лежала бабуля. Корячась, она крепко обнимала какой-то сверток, в котором я, к своему изумлению, узнал оклад ее самой оберегаемой иконы «Владимирской Богородицы». «Чего это она?» Высунувшись из крапивы, я с изумлением следил за ней. «Она же с этой иконы буквально пылинки сдувала, а тут куда-то тащит ее… Подожди-ка, она чего-то там бормочет». Я по-пластунски, осторожно отодвигая стебли крапивы, пополз в ее сторону.

Наконец в ее бормотаниях я что-то стал различать.

– Ой, что же это тако? Матерь Божия… – шептала – бормотала бабуля, бережно укутывая полураскрытую икону. – Заговорила… Боженьки мои, чудо-то какое… Дождалась, боженьки мои, дождалась, – было слышно, как она начала всхлипывать. – Богородица заговорила… Плохое что-то пророчит. Темную орду пророчит… Надо скорее к матушке Фросе бежать… Боженьки мои… Что же это тапереча будет?

Расслышав, что это она там бормочет, я немного прифигел. «У бабули что, шифер поехал? Какая еще Богородица? Какая там темная орда? Мать его, да это же…» Меня аж пот с головы до ног пробил от пришедшей в голову мысли. «Это что же получается, бабуля приняла мое пение за голос Богородицы?» Резко вскочив, я подбежал к стене избы, где несколькими минутами ранее занимался своими тренировками. «Черт побери! Отдушина в стене! Мать ее…» Прямо в бревенчатой стене избы располагалось отверстие примерно с кулак взрослого человека. «Вот это я дал! Бляха-муха! У нее же от всего этого мозги могут набекрень съехать… Она ведь совершенно искренне верит!» В этот момент меня осенило! «Вот же он, ключик! Черт меня дери, это же самый настоящий золотой ключик… И как бы это ни было гадко, но я должен буду это использовать в своих целях. Иначе я … мы все здесь сдохнем под немецкими танками».

Глава 4. Попытка не пытка

Интерлюдия 4

с. Старая Падь

Мимо покосившейся изгороди, собранной из кривых жердей, прошмыгнула сгорбленная фигура. У входа в покосившуюся избенку, с крыши которой свисали космы побуревшей соломы, она на мгновение задержалась, поправляя темный платок.

Низенькая дверь со скрипом отворилась и пропустила старушку внутрь избы, в темноте которой играли лишь несколько крошечных огоньков.

– Кто там еще на ночь глядя? – из глубины комнаты раздался скрипучий надтреснутый голос. – Матрен, ты это?

Хозяйка дома, тайная схимонахиня Ефросинья, одна из монахинь Серафимо-Дивеевского монастыря, разогнанного большевиками еще несколько десятилетий назад, приподняла лампадку с оплывшей свечкой повыше.

– Я, матушка Фрося, я, – на освещенный кусочек земляного пола, едва прикрытый соломой, вышла сухонькая бабулька, «божий одуванчик», крепко сжимавшая какой-то сверток. – Я, дура, тебя на ночь тревожу… с вестью…

Она несколько раз перекрестилась и с почтением приложилась к руке хозяйки.

– Матушка… с благой вестью я пришла, – старушка смахнула выступившие слезы вытащенным откуда-то платочком. – Нонче вечером, как только приложилась я к иконке своей, – она осторожно, с благоговением развернула свой сверток, и в неровном свету свечек появился небольшой оклад потемневшей от времени иконы, – и начала Богородицу славить, голосок такой тонкий услыхала… Истинный крест, услыхала, – старушка, вытирая продолжавшие идти слезы, вновь смахнула их платочком. – Голосок был тоненький, тоненький, прямо-таки ангельский…

Схимонахиня, едва прозвучали эти слова, недовольно поджала губы, от чего лицо ее, почти полностью скрытое под черным платком, приобрело суровое, почти каменное выражение. Ей крайне не понравились эти разговоры о голосах

свыше, ибо уж очень явно от них отдавало какой-то ересью.

– Что ты, Матрена, такое говоришь? – в руках хозяйка медленно перебирала небольшие костяшки четок с крестиком. – Подойди-ка ближе… – требовательно произнесла Ефросинья. – Голос слышала?

За долгие годы скитаний по разоренным Гражданской войной и голодом селениям и притеснений от помешавшихся от вседозволенности людей монахиня научилась хорошо скрывать свои эмоции. Вот и сейчас Ефросинья, словно ничего и не случилось, внимательно вглядывалась в лицо той, что уже с десяток лет помогала ей вести монашеский образ жизни в этом забытом Богом селе.

– Слышала, матушка Фрося, как есть слышала. Вот как тебя сейчас слышу, так и голосок этот ангельский слышала, – старушка вновь зашмыгала носом. – Тоненький такой, светлый… Я как услыхала, даже расплакалась… – зажатым в руке платочком она осторожно протерла оклад иконы. – А голосок все говорил и говорил… Только слаба я на одно ухо-то. Плохо слышу.

Старушка аккуратно поставила икону на деревянную лавку и вдруг неожиданно опустилась на колени.

– Вот тебе крест, матушка, слышала. Истинно все, что говорю, – она вновь размашисто перекрестилась. – Только, прости господи, не все я разобрала, что голос-то говорил, – продолжала она рассказывать жалостливым тоном. – Про страшные времена слышала я. Будто ворог страшный кровушкой народной зальет всю нашу землицу… и потом встанет весь народ как один…

Хозяйка продолжала сидеть не шелохнувшись. С ровной прямой спиной и неподвижным лицом, она напоминала каменную статую неведомого божества, перед которым склонился один из его адептов.

– А в конце голосок даже запел… Матушка Фрося, словно молитву какую запел, – дрожащим голосом продолжала рассказывать старушка. – Вставай страна огромная… вставай на смертный бой, – она попыталась напеть, но голос ее то и дело прерывался кашлем. – С какой-то черной ордой, матушка, призывал биться…

* * *

Интерлюдия 5

г. Вязьма

Колхозный рынок вблизи железнодорожного вокзала

Пронзительный паровозный гудок разнесся над толпой. С шипением, выпуская клубы белого пара, прибывал московский поезд.

С рынка, придерживая чемоданы, авоськи, а то и обыкновенные холщовые мешки, уже бежали будущие пассажиры – те счастливцы, у кого были заветные билеты. От них не отставали и те бедняки, кому достать билет так и не удалось, и они надеялись на милость и добрую волю проводника.

Сам же рынок, казалось, и не заметил их потери, потому что на смену им уже бежали другие. И эти, так же как и первые, сразу же бросались к неровно стоявшим прилавкам с товаром, к просто сидевшим на земле продавцам. Они деловито копались в мелкой картошке, пожухлой зелени. То и дело трясли доставаемой из кошельков мелочью, яростно торгуясь за каждый металлический медяк.

– Да она же вся проросшая! Еще и подгнившая, поди… – мяла в руках картошку интеллигентного вида женщина в видавшем виды платье. – Надо бы сбросить за такое, а?

– Где гнилая? Ты что, милая? – цыкал через дыру в зубах плюгавенький мужичок. – Картошечка первый сорт!

Чуть в стороне от них почти с таким же успехом торговались старые, уже не раз латанные сапоги, на которые нацелился пузатенький покупатель в большой кепке.

– Гляди, дядя, якая подошва! Гляди, гляди! – пузачу чуть не в зубы тыкали одним из сапог. – Як у слоняки. Знаешь, поди, таку животину, что в Африке обитает… Да этим торбозам сносу нет, – нахваливала их красномордая бабища,

продолжая трясти сапогами. – Их еще внуки твои носить будут и меня вспоминать. Бери, не сумлевайся!

Отворачиваясь от этой парочки, мы вновь погружаемся в бурное многоголосье рынка, которое, словно библейское чудовище, говорит множеством голосов…

– Грибочки, соленые грибочки! Миленькие мои, кому нужны грибочки?! Сама солила! – выкрикивал задорный голос молодухи. – Ядреные, хрустящие…

– Да куда ты грабельки свои тянешь, мил человек? – кто-то чуть не шипел низким голосом. – Не видишь, что ли, товар-то знатный!

– За колечко, говоришь… Ну-ка, покажь, – из-за пазухи вылезла рука с небольшим свернутым платочком, внутри которого блеснуло тоненькое колечко с красным камушком. – А говоришь, ничаво нет… Муженек, чай, еще купит.

Но вдруг среди всего этого множества самых обычных голосов, спорящих и договаривающихся о вещах и еде, тебе слышится что-то странное и непонятное. Ты делаешь шаг в сторону, выходя из толкающего людского потока, и оказываешься в нескольких шагах от двух бабушек, плотно закутанных в темные, почти черные платки. В этих сухоньких бабульках в потрепанной одежонке не было ничего необычного, в отличие от их разговора.

– Твоя правда, Марфа, твоя правда, – качала головой одна, что постарше. – Совсем худые времена, совсем, – повторяла она по нескольку раз один и те же слова, словно забывала их. – Истинный крест, неспроста все это…

– Храмы то порушили совсем. А кто рушил? Кто? Сами же… И не отмолишь-то грех такой, – подхватила вторая бабуля. – Матушка Фрося говорит, что Антихристово время наступает… Сказано в Евангелии, что когда придет человек с черным ликом и в черных одеждах, то кровь прольется по земле, – с придыханием говорила она. – Орда проклятых филистимлян придет с запада…

– Икона Богородицы даже замироточила. Сказывают, как начали читать «Отче наш…», так капельки кровушки на ее глазках и появились, – голос второй перешел на шепот. – А потом голоском она своим ангельским запела осанну…

И вскоре уже забыв этот перехваченный кусочек разговора, ты наслаждаешься жарким летним деньком, безоблачным небом и прохладной водой протекающей невдалеке речки. Однако вечером ты вновь и вновь вспоминаешь этот последний разговор и что-то иррационально страшное и чужое наполняет твою душу, заставляя тебя вздрагивать в ночной тишине от любого шороха.

* * *

с. Старая Падь

Заброшенная покосившаяся избенка, крыша которой от времени и непогоды уже давно пришла в полную негодность. Кирпичная труба едва выглядывала из-под кривой шапки бурой соломы.

Палисадник возле дома густо зарос сиренью, придавая избе с выбитыми окнами вид давно не стриженного хулигана. Плотные лапы кустарников, переплетенные друг с другом, почти полностью закрывали тропинку, которая когда-то вела к крыльцу дома.

Однако если же сойти с этой тропки и не побоявшись протиснуться сквозь густой кустарник и стеной стоявшие одеревеневшие стебли крапивы, то можно было увидеть уютную полянку. Это было небольшое пространство хорошо вытоптанной травы, в центре которого стоял перевернутый деревянный ящик с кучей какой-то бумаги на нем.

Я осторожно отодвинул большую ветку сирени и вновь, уже не помню в какой раз, посмотрел на проселочную дорогу, которая вела в сторону железнодорожной станции.

– Черт побери, – раздосадованно прошипел я, опять никого там не обнаружив. – Этот алконавт Колян уже давно должен был вернуться. Неужто этого горе-тракториста повязали в городе с моими письмами? – признаться, от такой мысли у меня все похолодело внутри. – Этот ведь дурень сразу меня сдаст… Б…ь, никому нельзя даже простейшего дела доверить.

Да, я все-таки решился громко заявиться о себе и назвать вслух ту самую Дату! Именно поэтому я уже второй день сижу в этом облюбованном мною логове с

самого утра и до вечера, обложившись тетрадными листками и серыми почтовыми конвертиками.

Вчера я полдня буквально в поте лица корпел над первой партией писем, адресованных почти двум десяткам первых лиц. Достоверно не зная особенностей функционирования советской почты в общем и системы перлюстрации корреспонденции в частности, я решил особо не мудрить. «Кто его знает, всю эту машину? А вдруг какой-нибудь излишне впечатлительный товарищ что-нибудь накосячит, и письмецо до Самого не дойдет? А значит, надо подстраховаться…» Словом, я решил настрочить десятки писем в редакции крупнейших газет, областных управлений НКВД и, естественно, самому товарищу Сталину и поднять самую настоящую волну, чтобы слухи о начале войны прошлись по самым верхам страны. Потом же, согласно своим собственным законам жизни, эти слухи, многократно усилившись, должны были дойти и до самого низа. «Надеюсь, потом, когда наступит день Х и придет большая серая немецкая задница, это знание спасет хотя бы кому-нибудь жизнь».

Всю первую партию писем конспирации ради я запаковал в несколько конвертов. На лицевых конвертах я надписал адреса крупных советских газет и за литр вонючего самогона договорился с Колькой-трактористом, что он их в городе в почтовые ящики бросит. Именно эти надписанные сверху адреса должны были сыграть роль маскировки для любого слишком любопытного. Самому Николаю, если честно, было вообще до лампочки, кому и от кого эта увесистая пачка писем адресована…

Во внутренних же конвертах примерно в половине случаев я написал совершенно иные, грозные адреса: «Москва, Кремль, т. Сталину. Лично в руки!», «Москва, Кремль, т. Берии. Совершенно секретно», «Минск, НКВД. Не вскрывать», «Киев, НКВД. Не вскрывать». Не сомневаюсь, что главные редакторы газет дальше сделают всю «грязную» работу за меня и отправят письма именно туда, куда мне и надо.

– Нет, Колян же самый натуральный дурак, а таким чертовски везет, – я вновь высунулся из своего убежища. – Он все сделает, как мы и договаривались. Ведь знает, собака, что это не последняя моя просьба, подкрепленная драгоценным для него пойлом.

Осторожно вернув ветку сирени на место, я вернулся к своему импровизированному столу – еще крепкому деревянному ящику, на котором лежали бумага и конверты. Мне предстояло подготовить очередную партию писем, которые должны были убедить Сталина в том, что я не душевнобольной, не шутник или идеологический диверсант и знаю ОЧЕНЬ МНОГО. «Конечно, кто в здравом уме сразу поверит в такое? Товарищ Сталин? Товарищ Берия? Честно говоря, я бы и сам не поверил, если бы мне кто-нибудь, совершенно непонятный, сообщил о скором начале войны».

– Да… Такие посты, как правило, дураки не занимают… – многозначительно промычал я, обдумывая содержание второй партии писем. – Не та закалка. Попробуй в таком гадюшнике выжить. Да за это орден сразу давать нужно! – я вновь замолчал.

Вопрос о втором послании был слишком серьезным, чтобы писать его с бухты-барахты. Совершенно ясно, что если здесь самого Сталина не впечатлить чем-то убойным и проверяемым, то любые сообщения от меня будут считаться если не намеренной дезинформацией, то уж бредом точно!

– Что-то убойное, тогда он скорее поверит и в остальное… – сев по-турецки, я облокотился на ящик.

По правде говоря, шокировать Сталина какими-то фактами, датированными 22 июня и далее, бессмысленно. Не особо подходила и информация о каких-то внешних, международных событиях, которые легко можно было принять за происки разведок буржуазных государств – идеологических противников Союза. Нужно было что-то сугубо личное – такое, что знал только Он или круг наиболее близких Ему людей… К счастью, у меня было кое-что подобное (спасибо, увлечению брата).

– Дай-то бог памяти, что уж там братишка рассказывал про предвоенное времяпровождение Сталина… Гм… – я машинально начал малевать что-то карандашом на бумаге. – Так-так, что же там у него было?

Так я мучил свою память до тех пор, пока в ней не всплыли кое-какие интересные подробности майских и июньских дней жизни товарища Сталина и его близких. «Что уж там брат рассказывал про мемуары охранника вождя… как его там, блин… Власика и еще одного… э-э-э-э… Рыбкина, нет, Рыбина, точно!»

Были там несколько анекдотических и просто обычных историй, о которых посторонние не могли знать. Надо было лишь об этом в письме доходчиво рассказать. «Главное, с датами не напутать. Кто там знает, сколько будут эти письма идти? Два, три, четыре дня? А может, их вообще со страху за сутки на стол к вождю доставят?! Короче, мне нужны пара-тройка фактов, которые не особо устареют в течение двух недель».

– Кажется, есть такое… – я потянулся всем телом; тело от долгого сидения в одной позе затекло и ему адски хотелось подвигаться.

Обслюнявив карандаш, я наклонился над своим кривым столом и, подтянув ближе первый тетрадный листок, начал.

«Уважаемый товарищ Сталин, надеюсь, что мое первое письмо дошло до Ваших рук. Я уверен, что у Вас возникли сомнения в достоверности изложенного. В этой связи хочу изложить некоторые факты, которые должны случиться с Вами в самое ближайшее время.

…А 13 июня, когда Вы сядете за стол обедать, обратите внимание на левый, ближний к Вам краешек скатерти. Вы увидите, что ее кончик испачкан красным. Думаю, Вам не составит особого труда выяснить, что это была пролитая при открывании бутылка с Вашим любимым вином.

…Вечером же, когда Вы посетите театр, обратите внимание на то, что один из Ваших личных охранников немного прихрамывает на правую ногу. Он будет, конечно, отнекиваться, что абсолютно здоров и у него ничего не болит. Однако даже легкая пальпация голени покажет, что у него довольно сильный ушиб ноги и ему, скорее всего, нужен будет осмотр грамотного хирурга.

…16 июня около девяти вечера у Вас может резко повыситься давление и закружиться голова. К счастью, это будет не что-то сердечное, а всего лишь недомогание, которое довольно скоро пройдет. Старайтесь в этот момент прилечь и не подвергать себя особым нагрузкам.

Надеюсь, эти приведенные мною примеры Вас, товарищ Сталин, убедят, что к моим словам стоит прислушаться. И поэтому хочу еще раз повторить: 22 июня ровно в 4 часа утра без объявления войны немецкие войска перейдут границу, а самолеты фашистов начнут сбрасывать первые бомбы на наши аэродромы!

Прошу Вас, прислушайтесь к этому сообщению, чтобы вновь не повторились страшные разгромные поражения Красной Армии первых месяцев 1941 года».

Высунув от усердия язык, я в конце снова поставил свою подпись – «Посланник». А что, должен же Он знать, от кого идут эти письма? Должен! И это имя ничем не хуже, чем Оракул, Кассандра и прочие.

– Так, надо бы это продублировать на всякий случай… Или нет? Все-таки после первой партии к каждому такому письму должно быть особое отношение. Сто процентов, не должны ничего потерять! – отложив немного затупившийся карандаш, я с наслаждением выгнул спину – затекла. – Кстати, не пропарил ли я своего почтальона?

От этой мысли я чуть не подскочил вверх. Не получилось. С кряхтением распрямив затекшие ноги, я подполз к зеленой стене и отогнул одну из веток.

– Ого, да у меня просто бешеная чуйка! – довольно пробормотал я, разглядывая вышагивавшую по дороге знакомую покачивающую фигуру. – А вон и грузовик отъезжает. Значит, он опять мотался в город на колхозной полуторке с нашим завгаром. Хорошо! Рядом вроде не видно кровожадных энкавэдэшников. Ха-ха-ха.

Несмотря на пробивший меня смех, где-то в моей подкорке все равно сидело и зудело понимание совершаемой ошибки. Не понимать, что такой способ связи в этом времени может быть чреват фатальными последствиями, мог только полный идиот. К счастью, полным идиотом я себя не считал! Просто идиотом вроде тоже…

– Посмотрим, посмотрим, что, землячок, ты нам принес, – я начал лихорадочно собирать все свои материалы: конверты, листки, карандаши – и упаковывать их в специально припасенную тряпицу; эти улики надо было пока спрятать до того момента, как я освобожусь. – Я, надеюсь, не длинный и вооруженный хвост…

К счастью, разговор с Николаем, от которого, как и обычно, пока еще немного попахивало, не принес мне плохих новостей. По его словам, он в точности выполнила все, что я ему сказал. Словом, первая партия писем должна потихоньку ехать по своим адресатам.

Успокоившись, я приступил к подготовке другой своей операции, итогом которой должна была стать «вербовка» или «приручение» нашей бабули.

В процессе поиска к ней ключика я пару дней пытался за ней осторожно походить. Однако слежка провалилась! Бабуля оказалась мне просто не по зубам. Она была, как вечный двигатель, постоянно в движении. С самого утра и до позднего вечера бабуля ходила по своим многочисленным товаркам, пациентам, которых лечила всякими травками и еще, как выяснилось, молитвами.

Все же мне удалось узнать кое-что, что было с ней непосредственно связано… Оказалось, в окрестностях Вязьмы в многочисленных селах и деревушках нашли приют почти по полсотни монахинь бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря, взорванного еще в начале Гражданской войны то ли красными, то ли белыми. Многие из монахинь, даже самого преклонного возраста, решили не отказываться от своего образа жизни и продолжали все эти двадцать лет придерживаться монашеского правила. Все дни они проводили в молитвах и послушаниях.

Наша же бабуля оказалась одна из тех, кто всячески поддерживал монахинь. Она собирала для них продукты и одежду, а потом самолично и отвозила все собранное. По этой причине бабушка и пропадала целыми днями. «Бабуля-то наша оказалась настоящим энтузиастом. Я же думал, она просто молиться в молельный дом ходит…»

Когда все это узнал, мне пришла в голову одна интересная идея. Тогда она мне действительно показалась очень интересной и многообещающей. «Главное, что она верующая! Как говорится в нашем времени, она фанатично верующая… Прошлый случай с иконой и моим пением это полностью подтверждает».

Пожалуй, придуманный мною план мог родиться только в голове человека XXI века, ценности и ориентиры которого были изрядно расшатаны прогрессом и, мать ее, цивилизацией.

– Значит, верующая? Хорошо! Значит, устроим тебе мироточение иконы, – я тихонько подобрался к избе и убедился, что там никого не было. – Настя уже вовсю спит, а наша бабуля снова где-то бродит.

Я быстро шмыгнул внутрь дома и подошел к лавке, под которой у меня еще с утра был припрятан обломок ножа. Это был небольшой кусок металла с длинной рукояткой из оленьего рога, которым я и полоснул себя по пальцу.

– Ай! Б…ь, как больно-то, – действительно, оказалось очень больно, чертовски больно. – Вот уж и не думал. Так… – я встал на лавку и подобрался к иконе вплотную. – Что мне так гадко-то?

Через неровно пляшущий огонек лампадки на меня укоризненно, но в то же время ласково смотрели уставшие, словно сияющие изнутри глаза Богородицы. Неизвестный художник так мастерски изобразил ее чуть полное лицо с длинными волосами, спадающими ей на плечи, что оно казалось живым.

– Изви… ните… – прошептал я, дрожащим пальцем касаясь глаз матери Бога. – Изви… ните… – и возле ее глаз остались крошечные красные капельки крови, действительно, словно слезы. – Черт… Я должен это сделать. Должен! Понимае… те – должен.

Дальше я уже кубарем вылетел из избы и не разбирая дороги понесся прочь. Мне вдруг так стало гадко на душе, что хотелось где-то спрятаться, свернуться калачиком и тихо-тихо плакать. Именно это я и сделал, забравшись в свое укромное убежище.

Когда я возвратился, было уже за полночь. Пробираясь в потемках по комнате, я сразу же обратил внимание на то, что лампадка возле иконы не горела. Более того, не было и самой иконы! «Значит, сработало! Черт! Черт! Сработало! Я даже боюсь представить, что тут было совсем недавно». На небольшой полочке, заботливо накрытой светлой вышитой тряпицей, совершенно ничего не было. Красный угол был абсолютно пустым. «Похоже, наша бабуля вновь умчалась к своим, чтобы поделиться этой новостью. Значит, дело сделано и осталось лишь ждать, когда эти новости о страшной войне выстрелят среди простого народа… Вот же гадство! – глубоко вздохнул я. – Не для себя ведь все это сделал, а чтобы людей предупредить… А на душе так хреново, что просто беги».

Забравшись на печку, где обычно и спал, я закутался в какие-то старые тулупы, пахнувшие кислой овчиной, и попытался забыться сном. Получилось не сразу. Сон никак не шел. Я то и дело ворочался с боку на бок, вздыхал, сопел. В голове моей не переставая крутилась всякая всячина – огромные укоризненные глаза

иконного образа, разгорающийся огонек лампадки, скрюченная фигура бабушки. В конце концов, утомившись, я все же отрубился.

Однако, ближе к утру я неожиданно проснулся, словно что-то меня толкнуло. Я откинул тулуп и резко сел. Вокруг было совершенно тихо, ни звука не раздавалось. Лишь где-то в дальнем углу избенки надоедливо посвистывал сверчок.

«Чего-то не пойму…» Протерев глаза, я по уже годами заведенной привычке машинально вскинул левую руку, чтобы посмотреть на часы. Еще советские, подаренные батей, они больше двадцати лет служили мне верой и правдой, став своеобразным амулетом. «Часы… Где? Сперли? Черт побери, какие, к лешему, часы?!» После нескольких секунд бездумного осматривания кисти руки до меня вдруг дошло. «Часы, часы… Боже мой, как же я мог забыть?!»

От неожиданно осенившей меня мысли я схватился за голову и еле слышно застонал. «Недоумок! Пророк хренов! Письма он расписал… Я же про Жукова забыл! Завтра на вокзале в Вязьме, где будущий маршал Победы выйдет из поезда подышать воздухом, у него “тиснут” его наградные часы». Этот эпизод был прекрасно описан в фильме «Ликвидация», в котором случай с часами Жукова был перенесен из Вязьмы в Одессу. «Точно! Константинович должен сегодня поездом выехать из Москвы. Кажется, это была инспекция по войскам Западного военного округа, должная проверить, какие выводы были сделаны местным командованием из январских военно-стратегических игр. Да, точно! В моем времени это была довольно громкая история. Оказалось, что местное командование совершенно не чесалось по поводу исправления недавно выявленных косяков. У них там была какая-то охренительная задница! Танки без горючего и запасных частей, старшие командиры в постоянных отпусках, самолеты на аэродромах стояли без маскировки. Насколько я помню, в шоколаде были лишь погранцы, которые, черт побери, через пару недель и лягут в землю, не тронувшись с места… Словом, Жуков на месте должен был выдать знатных люлей. К сожалению, громоздкой и неповоротливой Красной машине этот пинок окажется слишком поздним, санкционировав дополнительную неразбериху в командном составе и реорганизацию в структуре войск. А к 22 июня эта неразбериха окончательно выйдет боком всей стране, лишив инициативы все высшее командование приграничных округов».

Я сидел, не шелохнувшись, боясь спугнуть эти мысли. «Хрен с этими моими письмами. Пока они еще дойдут, пока еще в них поверят, уже война будет в

самом разгаре! Немец попрет так, что будет уже не до моих предсказаний… Короче, не хрен ломиться через парадные ворота, если можно спокойно постучаться в задние. Жуков, по всей видимости, адекватный товарищ и просто обязан прислушаться к моим словам. Тем более что они полностью соответствуют его выводам по итогам военно-стратегической игры, в которой он, по сути “играя за немцев”, полностью разгромил советские приграничные войска».

С каждой минутой раздумий мне все больше и больше нравилась мысль обратиться именно к Жукову, который, как считали историки, имел определенное влияние на самого Хозяина Кремля. Я, конечно, знал и о тех собаках, которые «вешались» на Жукова… О наклеиваемых на него «истинными историками» таких ярлыков, как «генерал любой ценой», «товарищ только вперед», «завалить противника трупами бойцов» и так далее. Знал и об этом, и о многом другом, но Жукова по-прежнему считал одним из победителей.

«Да, именно на вокзале Вязьмы у него должны утащить часы. Вроде, какой-то пацан-беспризорник подойдет и спросит закурить, а потом пропадут часики… Это должно произойти уже завтра! Времени совсем не осталось». Я лихорадочно вспоминал расписание поездов, идущих через нашу станцию на Вязьму. «Стоп! Кажется, в семь утра с копейками московский поезд делает у нас короткую остановку. Потом до самой Вязьмы он идет примерно два-три часа, как повезет… И если я на станции сяду, то что-то и может выгореть… Черт, и письмо уже поздно писать! Неужто придется ему все открыть? Он, конечно, адекватный, спору нет, но у него тоже есть свои тараканы. И как бы они не выкинули завтра какой сюрприз!»

Открыться, конечно, рано или поздно придется. Я в этом совершенно не сомневался! Однако мне не хотелось делать это именно сейчас, пока я был, как говорится, со спущенными штанами. Вот с момента появления «запасного аэродрома» уже можно было бы поговорить и в открытую. А пока же… «Ладно, будем ловить момент на месте. Сейчас главное – добраться до станции и попасть на поезд».

Вышмыгнул из дома я на самом рассвете. Оставлять Настю одну было конечно страшновато, но я понадеялся, что бабушка все же скоро подойдет.

Насколько я помнил один подслушанный разговор, где-то в середине села живет мужичок – дядько Бушан, который каждое утро на станцию сына возит на

работу. Думаю, как раз с ним-то и доберусь до станции.

Сама дорога на телеге и четвероногом одре, который с виду еле передвигал ноги, заняла около часа. И как говорил сам дядько Бушан, еще крепкий старик разбойного вида: «Это моя кормилица исчо спит. А вот если бы в обед или вечор поехали, то и за половину часа на месте были…»

И вот лес расступился, и показалось одноэтажное здание станции, с двух сторон оседлавшее железную дорогу, на которой уже стоял поезд.

«Вот же старый пень! Из-за его шуток и прибауток едва не опоздали на московский». Я шустро спрыгнул на деревянный настил и побежал к поезду. «Вот же монстр! Я раньше и не думал, что он такой здоровый!» Паровоз, плюющийся перегретым паром и черными клубами дыма, выглядел настоящим гигантским драконом, который с высоты своего роста с презрением смотрел на крошечных людишек. «К такому и подходить страшно!» Постояв несколько секунд и полюбовавшись такой мощью железного монстра, я быстро юркнул внутрь пульмановского вагона.

– Митька, ты, что ли? – внутри я вдруг оказался нос к носу с высоким мощным мужчиной со здоровенными усищами. – В город, смотрю, собрался… Баба Маша как? В порядке? Ворчит помаленьку? А ты, смотрю, все так и молчишь…

Видимо, мужчина хорошо знал и меня, и бабулю мою, поэтому мне оставалось всего лишь мычать в нужных местах и делать жалостливое выражение лица.

– Давай-ка в первое купе иди и сиди там как мышка. А я вам потом чайку с пиленым сахарком принесу… И не шуми. Слышишь, Митька? У меня в вагоне тут московские генералы в купе. Всю ночь гудели, а сейчас почивать изволят, – с усмешкой негромко добавил проводник. – Давай иди. А я пойду пройдусь, пошукаю, все ли в порядке…

Направленный толчком руки в сторону купе, я довольно быстро оказался на месте, которое практически не отличалось от недавнего. Здесь также была немного обшарпанная кожаная обшивка на сидениях, когда-то роскошное полированное дерево на стенах, сейчас уже порядком затертое и в сколах.

Словом, на эти остатки былого великолепия можно было любоваться и дальше, но сейчас… я не имел права терять ни единой минуты.

«Значит, у меня где-то два часа чистого времени, чтобы подобраться к Жукову и поговорить с ним. Вопрос: как это сделать? – я осторожно подошел к высокой двери купе, на которой было прикреплено большое зеркало, и медленно приоткрыл дверь. – Вроде тихо… – так же осторожно я и закрыл дверь. – Походу, действительно все дрыхнут… Рано или поздно они все равно встанут. Раз в моем времени у него на вокзале в Вязьме часы тиснули, значит, скоро наш генерал должен встать. А потом… – тут я хитро улыбнулся, ибо пришедшая в голову мысль показалась мне довольно смешной. – Потом ему определенно придется посетить гальюн или как он здесь называется? Вот там-то с ним и поговорим».

Я вновь приоткрыл дверь и, оставив щелку, стал ждать. За примерно полчаса, показавшиеся мне мучительно долгими, я и сам чуть не отрубился. Несколько раз засыпал прямо у двери и практически вываливался в коридор.

«Ого, кто-то зашевелился, – наконец с той стороны послышался шум по-хозяйски открываемой двери. – Так… Кто это там у нас такой красивый?»

В проеме показалась невысокая коренастая фигура в широченных галифе и белой майке, через которую были перетянуты узкие подтяжки. Через руку мужчины было перекинуто полотенце. В другой руке он держал какую-то толстую кисточку со стаканом. «Это же помазок. Бриться собрался его благородие». Я почти полностью высунулся из своего купе, пытаясь понять, он это или не он.

«Хрен его знает…» Вдруг мужчина повернулся к двери в купе и что-то произнес. В этот момент я почти увидел его лицо. Точнее, увидел лоб! Широченный высокий лоб, жуковский лоб! «Он! Георгий Константинович Жуков собственной персоной. Прошу любить и жаловать! Бриться намылился… Остальные в купе, а значит, пока не высунутся. Удача! Сейчас главное – рылом не щелкать».

Я быстро шмыгнул за дверь и, стараясь не издавать ни звука, пошел в ту часть вагона, где только что скрылся генерал.

«Да, у нас тут не толчок, а настоящие хоромы». Я на глаз прикинул размеры туалета и приятно ими поразился. «Не хреновые, оказывается, в свое время были

вагоны! Б…ь, царские! Ого-го! Жуков-то у нас еще и поет…» За плотно прикрытой дверью слышалось не только журчание воды, но и негромкое пение. Правда, разобрал я что-то только про Красную Армию и какого-то барона. Остальное он как-то пробурчал. «Судя по времени, через полтора часа мы будем на месте. Значит, управиться мне нужно за десять, максимум пятнадцать минут. Ну что же, приступим!» Сняв с себя рубашку с длинными рукавами, я напялил ее на голову на манер ковбойского платка и вплотную подошел к двери. Открывалась она наружу, и, к счастью, с моей стороны была даже щеколда, которую я тут же задвинул.

– Эй! – звук моего голоса ткань рубашки глушила слишком сильно, поэтому пришлось ее немного отодвинуть от лица. – Эй! – вновь крикнул я и осторожно стукнул по двери.

– Занято! – с той стороны раздался громкий недовольный и явно командирский голос. – Не понятно, что ли…

«Ну что же, занято так занято. Тогда попробуем жестче».

– Гражданин Жуков! – я добавил в голос металл. Уж не знаю, как это получилось, но через рубашку мой еще неокрепший голос стал явно звучать как-то не по-человечески странно. – Вы меня слышите? Хорошо. Тогда слушайте внимательно.

На той стороне практически мгновенно все стихло. Казалось, он и дышать перестал.

– Сидите тихо и не пытайтесь открыть дверь. Это в ваших же интересах. Меня вы не знаете, – я старался говорить короткими рублеными фразами, при этом иногда чуть растягивая слова, словно русский не был моим родным языком (сейчас все могло пригодиться, чтобы ввести в заблуждение относительно моей личности). – Зато я знаю про вас очень много или почти все. Помните, почти два года назад осенью на западном берегу Халхин-Гола вы крепко выпивали со своим закадычным другом. Вы праздновали победу над японцами… Надеюсь, вы не забыли, что вы говорили о военном таланте товарища Сталина?

На той стороне вообще все умерло. Эти сведения об опасном разговоре в том памятном месте, с которого и взошла звезда военного гения Жукова, я почерпнул со страниц одной книги мемуаров. И, если честно, то сейчас я совсем

бы не хотел оказаться на месте нашего генерала. Он прекрасно осознавал, что могло ему грозить даже за малейший намек о тех событиях. В эту секунду было уже не важно, что и как он говорил на той пьянке. Важно, было то, чтобы все это вообще оставалось в тайне.

– Успокойтесь, товарищ Жуков, никто ничего не узнает. А сейчас слушайте внимательно. Возможно, то, о чем я вам расскажу, спасет жизнь не только вам, но и многим тысячам советских бойцов, – я на пару секунд замолк, переводя дух (знаете, как тяжело разговаривать, закрывая рот тканью?). – В результате вашей инспекции выяснится, что командование приграничных войск Западного военного округа совершенно не сделало никаких выводов из недавно проведенной военно-стратегической игры. Вы вскроете множество и других нарушений и недочетов, устранить которые вы уже физически не успеете. Двадцать второго июня ровно в 4 утра немецко-фашистские войска перейдут границу Советского Союза и начнут полномасштабное вторжение. Одновременно с сухопутными ударами воздушным бомбардировкам будут подвергнуты и десятки советских городов – Минск, Киев, Вильнюс…

Я говорил и говорил, пытаясь за короткий срок вывалить на Жукова максимально возможный объем информации о скорой войне. Говорил я сумбурно, скача с одного на другое.

– Вы и без меня знаете, что на новой линии западной границы укрепленные районы совершенно не готовы. Во многих местах лишь приступили к строительству укреппунктов. В другие успели завезти орудия, но забыли поставить снаряды к ним. На старой линии границ, наоборот, многие позиции уже перестали быть полноценными огневыми точками. С них снято вооружение, убраны броневые заслонки с дотов.

С болью в голосе я рассказывал о разбомбленных аэродромах, на которых сгорели, даже не успев взлететь, новейшие советские самолеты.

– Большая часть аэродромов расположена в открытых местах и уже давно сфотографирована немецкими разведчиками. Почти везде отсутствует или совершенно не готово зенитное прикрытие. Вы что, с неграми из Африки собирались воевать? Думаете, немец будет здесь церемонии разводить?

В какой-то момент я почувствовал, что мое время практически истекло, и мне пора бежать обратно в свое купе. Тогда я закончил этот разговор словами о Брестской крепости.

– За все эти ошибки командования, ваши просчеты и дружеские попойки через несколько недель заплатят кровавую цену защитники Брестской крепости, которые несколько месяцев будут в полном окружении сражаться с врагом. И они будут абсолютно уверены, что доблестная Красная Армия вот-вот придет к ним на помощь… Вот и все, что я хотел сказать. А вы, товарищ Жуков, посидите минут двадцать спокойно и не выходите, а то никому здесь не поздоровится…

Глава 5. Из огня да в полымя

Интерлюдия 6

г. Москва, ул. Большая Лубянка, административное здание

Наркомата внутренних дел СССР

Кабинет Л. П. Берии

Народный комиссар внутренних дел Советского Союза с нескрываемым раздражением тряс в воздухе парой листков.

– Это что такое? Я тебя спрашиваю! – взгляд его нехорошо прищуренных глаз буквально метал молнии, обещая все немыслимые кары. – Вы что там – вообще мышей не ловите?

Прямо перед ним навытяжку стоял начальник управления НКВД по Смоленской области Хромов Виктор Яковлевич. Этот высокий мужчина с крупными чертами лица то краснел, то бледнел под взглядом всесильного наркома.

– У тебя же там целая вражеская группа диверсантов окопалась! А они и в ус не дуют, – и в это мгновение маленький Берия почему-то казался гораздо выше

почти двухметрового Хромова. – Это надо же… только за одни сутки было выявлено двенадцать писем, в которых содержалась паникерская информация. Ты что, совсем не понимаешь? Это же в чистом виде клевета на советских руководителей и на товарища Сталина лично! – листки в руке Берии снова взлетели к верху. – Эти подонки хотят посеять панику в приграничных районах! И, как я вижу, им это прекрасно удается…

Нарком несколько раз прошелся по кабинету, переводя дух. Потом подошел к своему столу и оттуда вновь угрожающе зыркнул на своего подчиненного.

– Сроку тебе, Хромов, неделю! Докладывать мне будешь каждые два дня о проделанной работе. Через неделю чтобы эта сволочь была у меня здесь, – он с силой хлопнул по столу, сваливая на пол резную подставку под карандаши. – Делай что хочешь… Хоть у каждого почтового ящика ставь по милиционеру, хоть шерсти всех бывших под гребенку, но результат мне обеспечь. Понял?

Тот судорожно что-то прохрипел, пытаясь вытянуться еще больше.

– Товарищ народный комиссар… – сведенное судорогой горло Хромова с трудом пропускало звуки, – внутренних дел… Как выяснилось, писем было больше… – при этих словах лицо Берии исказилось. – Один из работников почты сообщил, что в тот день в районе центрального отделения почты было брошено в почтовый ящик пятнадцать похожих конвертов.

– Твою мать, – выругался Берия, расстегивая верхнюю пуговицу кителя и освобождая шею. – Еще три письма. Целых три письма где-то гуляют… [нечетко произнесенное ругательство на мегрельском языке]… Хромов, разберись со всем этим! Слышишь, разберись! Увеличить число патрулей возле учреждений. Усилить проверки приезжающих на станциях! Чтобы больше ни одна сволочь не смогла голову поднять! Ты меня понял?! И достань мне этого писаку, пока не стало поздно… для тебя.

Интерлюдия 7

Василевский А. М. Дело всей жизни / мемуарная литература. – М.: Политиздат, 1989. – 239 с. [выдержка]

«…Я тоже был на том памятном заседании в Кремле, по результатам которого было смещено все высшее военное и политическое руководство Западного Особого военного округа. Лишились своих должностей командующий войсками Западного Особого военного округа генерал армии Д. Г. Павлов и начальник его штаба В. Е. Климовских, которые были взяты под стражу сразу же после окончания заседания.

Признаюсь, для всех нас тогда это было самым настоящим шоком. Ведь многие из нас, кто участвовали в январских военно-стратегических играх, еще помнили, с какой теплотой и уважением по отношению к Павлову тогда высказывался сам Сталин. После катастрофических допущенных Павловым в игре просчетах Хозяин лишь снисходительно пожурил его за них. А тут мгновенное лишение должности, всех званий, наград и последовавший за этим арест.

…Не меньшим открытием для нас стали и результаты генеральной военной инспекции боеготовности войск Западного Особого военного округа, о которых в свойственной ему резкой и безапелляционной манере доложил Георгий Константинович Жуков. Он рассказывал о настолько ужасных вещах, вскрытых в ходе инспекции, что это не укладывалось в голове… О сотнях новейших танков, которые были не способны тронуться с места или проехать несколько километров без поломки. Об отсутствии в танковых частях запасов горючего, боекомплекта. О крайне низкой профессиональной и боевой подготовки танкистов, артиллеристов, летчиков. О полном разгильдяйстве в отношении маскировки аэродромов с новейшими самолетами. О процветании в некоторых военных частях пьянства.

Однако больше всего меня поразило другое. Ведь о проблемах с двигателями и трансмиссией у наших новых танков были известно и раньше. Оказалось, что после объявления учебной тревоги абсолютное большинство механизированных соединений Западного Особого военного округа оказалось целые сутки не способно выдвинуться к заданным рубежам. С командованием многих из них даже вообще не удалось наладить связь. Это были ужасные свидетельства, особенно в преддверии войны с грозным и опытным противником, который в совершенстве изучил все приемы и методы современной войны.

А ведь войсковые соединения Западного Особого военного округа считались одними из самых боеспособных. Сюда последние месяцы массово шли самые современные танки и самолеты. На всех совещаниях и заседаниях генерал

Павлов неустанно рапортовал о растущем профессиональном и военном мастерстве вверенных ему войск. Его как грамотного руководителя не раз ставили нам в пример.

…Сталина в таком взбешенном состоянии я ни разу не видел. Взяв слово после доклада Жукова, он буквально рвал и метал, обвиняя генерала Павлова в том, что из-за своего разгильдяйства и преступной халатности тот фактически оставил без прикрытия всю западную границу страны… И тогда мы даже предположить не могли, насколько пророческими окажутся слова Иосифа Виссарионовича».

* * *

с. Старая Падь

Последние несколько метров до дома я уже еле передвигал ноги, цепляясь, словно за спасательный круг, за штакетник забора. «Эти секретные операции, думаю, меня когда-нибудь доконают, – шептал я про себя. – Б…ь, вторые уже сутки толком не сплю!» Налившиеся свинцом ноги наконец начали окончательно отказывать, заплетаясь в немыслимые узлы.

– Ба! Вот он, кобелина! Вы только полюбуйтесь на него! – а бабка меня уже встречала настолько противным и скрипучим голосом, что меня аж покоробило. – Ты где шлялся-то, дубина столеросовая? Слышь, дурында?

Я устало замычал, как и обычно, только лишь бы она отстала. Вообще тот факт, что я заговорил, еще никто и не знал.

– Гулял он. Знамо дело, что гулял… – ворчала бабуля, поворачиваясь к дому. – А то не видно… Аж с лица-то спал. И что за девки только пошли? Немой ведь, ан нет, гож им! Хотя молчун-то в этом деле даже лучше… Кхе-кхе… Давай-ка в дом. Поснедай там, чаво я приготовила, а то ехать скоро надоть.

Я мысленно застонал. «Какая еще поездка? Ноги вон того и гляди отвалятся! За ягодами, что ли, опять… Рано вроде еще… Вот бабуля – Терминатор прямо, неймется ей».

В доме я сел на лавку и с облегчением вытянул гудевшие от усталости ноги. «Боже, как же это классно! Валялся бы так и не вставал». Глаза мои закрылись от наслаждения.

– С молочком вона ешь, – бабка появилась в двери и сразу же приметила мою безвольную тушку. – Куда же ты такой ходил-бродил? Совсем вона квелый… Хе-хе, заездили совсем мальчонку, – проскрипела старушка. – К полудню нам на станции надобно быть. Слышь, Митька? – я с забитым ртом кивнул в ответ. – Настьку еще собрать надоть. В Дубок поедем. Матушка Фрося просила в тамошний скит икону передать.

Не сразу до меня дошло, о чем вообще она говорит. Я лениво крутил горячую картофелину, пытаясь ее очистить от липкой кожурки. «Опять поезд. Черт! Какие-то Дубки еще… Название какое-то смешное…» И оно мне показалось немного знакомым, словно слышал его недавно. «Дубок, Дубок… А, тот проводник из генеральского поезда что-то про эту деревушку говорил. Точно, оттуда он родом!» Наконец я вспомнил… и тут же обомлел, припоминая и остальное.

– Кхе-кхе-кхе, – кусок картошки, что я куснул в процессе раздумий, тут же колом встал у меня в горле. – Кхе-кхе-кхе! – никак не мог откашляться я и начинал задыхаться. – Кхе-кхе-кхе! – кусочки злополучного картофеля буквально раздирали горло. – Кхе-кхе-кхе!

Наконец бабуля с силой ударила меня по спине, возвращая мне способность свободно дышать и ругаться. Да-да, я ругнулся, точнее, попытался выругаться! «Да что же это такое?! Б…ь! Б…ь! Что же за невезуха такая? Сначала нелегкая меня притащила меня под Вязьму, под которой через месяц начнется самая настоящая мясорубка. Теперь еще и бабка, старая карга, отчудила! В Дубки намылилась! В скит! Иконку передать! Иконку, мать ее! За пять дней до войны! В Дубки, что все лишь в тридцати километрах от Бреста! Охренеть!» Я даже сползать с лавки начал от такой новости. Руки безвольно упали на стол. «Старая, ты совсем с дуба, что ли, рухнула?! Это же Брест! Брестская крепость! Да уже от этих только слов поджилки трясутся! Брестская, мать ее, крепость! Понимаешь?! Брестская крепость!»

– Митька! – обеспокоенно вскрикнула бабка, подходя ко мне ближе. – Чаво это с тобой? Болит, что ли, где?

Словом, через пару часов мы опять оказались на той самой станции. «Что-то я становлюсь настоящим путешественником в этом мире! – подумалось мне. – Буквально летаю… К сожалению, только не в ту сторону, в которую надо!»

Забравший нас с перрона поезд стоял всего ничего. Мы едва успели зайти внутрь вагона, как он уже начал движение.

– Что, Митрич, по старой памяти найдешь для нас местов-то? – бабка уже калякала с проводником. – До Бреста с тобой поедем.

– Конечно, найдем! – мужчина аж расплылся в улыбке, показывая все свои немногочисленные металлические зубы. – Все сделаем в лучшем виде. Для вас, баба Маша, обязательно найдем.

«Бабулю все, что ли, тут знают? – тихо охреневал я от такого приема. – И там у ней связи, и здесь все схвачено! До станции аж с ветерком нас доставили, едва только она мужичка какого-то попросила. И здесь то же самое!»

Настюха мне, конечно, кое-что рассказывала о нашей бабуле… И лечиться к ней по мужским и по женским болезням большие люди ходят, и монахинь она подкармливает, и с председателем местным что-то мутит. «Прямо не бабка, а крестный отец! – давался я диву. – Вот с кем, пожалуй, тут и надо разговаривать о войне! Она-то уже всех на уши поставит!» Подумав об этом, я и замер. Эта мысль вдруг мне настолько понравилась, что я чуть не выматерился! Хорошо, удалось сдержаться.

– Вот, Мария Ермолаевна, прошу вас сюды пожаловать, – подхватив под ручку нашу старушку, проводник вел ее вперед по коридору. – У нас тута одни военные, командиры. Что-то последние пару дней все как с цепи сорвались. Один состав за другим, один за другим… Но есть у меня тута местечко одно свободное. Вас туда и определю. Вот, прошу!

Не знаю, уж чем ему бабуля угодила, что вылечила, но мужик постарался! Купе было просто шикарным по местным меркам. По обоим стенкам стояли широкие лавки с высокими спинками. Кожа на них была с коричневатым отливом, хорошо сохранившаяся. У самого окна стоял столик с витыми ножками. Ну просто мечта, а не купе!

– Спаси тебя бог, Митрич! Угодил так угодил, – морщинки на лице бабушки разгладились, она его несколько раз перекрестила в воздухе. – А вы, сорванцы, что встали столбом? Садитесь. Настька, давай-ка накрой пока на стол. Откушаем, чтобы дорожка наша была лепой…

На стол легла немудренная пища. Яиц с десяток, кусочек сальца с мясными прожилками, аккуратно завернутый в чистую тряпицу. Рядом пристроилась краюха каравая с темной коркой. Пара луковиц и коробочка с солью. Вот, пожалуй, и все.

– Отче наш… – бабушка привычно зашептала молитву.

Настя тоже что-то забормотала. Один я сидел на лавке, молча.

– Можно, к вам? – дверь купе неожиданно открылась, заставляя меня вздрогнуть.

В проходе стоял какой-то военный, из-за плеча которого явно проглядывало виноватое лицо проводника.

«Ух ты, перец какой красивый нарисовался!» А посмотреть действительно было на что… Вошедший младший лейтенант с перекрещенными металлическими пушчонками на петлицах выглядел настоящим орлом. Ярко начищенные сапоги (да в них смотреться можно, как в зеркало), до синевы выбритый, ладно сидящая форма. Вдобавок и взгляд такой жесткий, несгибаемый… Словом, «слуга царю, то есть Вождю, отец солдатам»!

Высокого роста, крепкий, с широченным разворотом плеч, едва только войдя, он сразу же заполнил собой почти все помещение. По ощущениям даже тесно стало.

– Здравствуйте, товарищи, – лейтенант улыбнулся. – А меня к вам определили. Так что принимайте.

Военный аккуратно пристроил в углу купе пузатый сидор, выглядевший довольно тяжелым. И рядом поставил небольшой фанерный чемоданчик, оббитый потертой кожей.

– А это от нашего стола вашему, – достав из своего чемоданчика несколько свертков, он широким жестом выложил их на стол. – Вот печенье и… даже шоколадка, – темная плитка, как это ни странно, была обернута в простую бумагу, ничем не напоминающую этикетку. – А тебе, боец, монпансье… – он протянул мне небольшой светлый леденец.

Недолго думая, я, спрятав в кармашек своей рубашки леденец, взял небольшой кусочек плитки и сразу же отправил его в рот.

«М-м-м-м… Что сказать?» Смаковал я шоколадку долго, растягивая время столько, сколько мог. Когда еще удастся в этом времени шоколад попробовать… А то я все эти деревенские каникулы был на бессахарной диете! Лишь один раз удалось мед перехватить и все! «Черт… Что-то не то». Странным образом для этого тела, но я прекрасно помнил вкус нормального, качественного шоколада, который, тая на языке, оставлял приятное послевкусие. Здесь же я чувствовал что-то другое и, как это ни странно, отчетливо мне напоминающее какую-то химию. «А, вспомнил! Да это же один к одному напоминает вкус той шоколадки из Финляндии, которую я пробовал в далеком 96-м, кажется, году… Тот же неестественный, зверски приторный вкус! И тает вдобавок еле-еле».

Я растерянно смотрел на бабулю, которая тоже откусила кусочек и медленно его посасывала. «Она что, совсем не чувствует, что это дерьмовый шоколад?! Хотя откуда ей, бедняжке, знать-то? Поди шоколада нормально и не видела».

– Я же только из училища, – лейтенант тем временем уже расположился на лавке, оббитой неплохо сохранившейся, правда, местами хорошо протертой кожей. – Вот, теперь на границу еду, – он положил ногу на ногу и с добродушным видом стал нас рассматривать. – Шоколад-то как? Хороший?

Бабка что-то в ответ пробормотала, но к угощению больше не притронулась.

– Тоже в Брест едете? – лейтенанта нисколько не смутила такая угрюмость, он продолжал буквально излучать доброжелательность. – А ты, боец, как с учебой? Отличник, наверное?

«Разговорчивый какой перец, – что-то меня начало напрягать такое поведение парня. – Чего он привязался… Брест да Брест. Брест да Брест. Какая ему, на хрен, разница?!» Тут мой взгляд остановился на его блестевших сапогах, а

потом задержался на подошве одного из них. «Сапожищи, конечно, знатные у него. В таких по любой грязи форсить можно. Вон как густо гвоздиками подбиты. Такие точно не сносишь. Оказывается, знатно тут сапоги делают… А гвоздики-то какие необычные… Какие-то многогранники, что ли». Действительно, занимательные были гвозди, шляпки которых представляли собой то ли шестиугольники, то ли семиугольники.

«Мать твою! Да это же не наши гвозди!» Я моментально вспомнил многочисленные хитрые приемчики нашей контрразведки, которым в первые месяцы войны удавалось довольно быстро вычислять заброшенных в наш тыл диверсантов. Это и уже набившие оскомину блестящие скрепки из нержавейки на удостоверениях, и шелковое белье, и те самые квадратные гвозди на подошвах сапог… «Черт, а может, хрень все это! Ну выдали всему выпуску такие на складе. Наши вон с Германией до последнего торговали. Читал, что уже началась война, а где-то еще пытались отгрузить немцам то ли зерно, то ли металл». Я вновь уставился на эти злополучные гвозди, но лейтенант переменил позу, и подошва исчезла с моих глаз.

«Сначала этот непонятный химический шоколад, теперь еще квадратные гвозди… У немцев вроде пищевая химическая промышленность была охренительно развита. Заменители всего делали: и кофе, и чая, и шоколада… Или это моя паранойя?!»

Но я уже смотрел на нашего гостя совершенно другими глазами, выискивая в нем что-то такое, что могло бы выдать в нем диверсанта. «Рослый, выбритый, чистый и чуть надушенный… Ну и что? За собой следит, аккуратист. Может, он лучший в училище и все делает от “а” до “я”… Что еще?» Однако ничего в голову мне не шло. Командир-артиллерист был совершенно обычным, нормальным. Качать его, как в фильме «В августе 44-го» мне никак не удавалось. «Хотя… Что это у него баулов-то столько? Чемоданчик и сидор?! Это что за приданное? Ну пара белья, мыльно-рыльные принадлежности могут быть у выпускника. Из училища едет. Значит, обрасти имуществом просто не успел еще. Не семейный вдобавок. Что у него там может быть? Тушенки пару банок, хлеба каравай, картоха?» Тут я вспомнил, что лейтенант с напряжением стаскивал свой сидор с плеча. «Значит, тяжелый. А для такого лося тяжелый – это сколько килограмм? 10, 15, 20?»

Я буквально приклеился взглядом к этому мешку с лямками, далекому предку современного рюкзака. Под влиянием всех этих раздумий я вроде бы даже стал

различать какие-то углы в сидоре. «Что же там за херня? Ящик? Коробка? Б…ь, что же я туплю?! Рация! Конечно, рация! Размер вроде подходящий. Да и время самое то! Восемнадцатое! Сейчас спокойно приедет, снимет комнатушку в городе… И в этой же самой форме даст всем жару. А если еще он не один, а с друганами?» С каждой новой секундой нарисованная мною картина опасного врага становилась все более живой и явной, заставляя меня верить все сильнее.

Однако как бы мне не хотелось, но сделать я ничего не мог! От слова совсем! Правда, когда он на несколько минут вышел оправиться, я все же осторожно пнул ногой по этому сидору. «Б…ь! Он что там, камней, что ли, наложил? Больно ведь… Походу, все-таки рация… Вот же гад! Вообще охренел! Ничего не боится. Наглый! Не по лесам шарится, а в купе едет», – честно говоря, я до глубины души поразился самообладанию этого человека, если он действительно был немецким диверсантом.

«Черт, черт, надо хотя бы попытаться». Я всю ночь не мог толком спать, строя в голове самые фантастичные планы разоблачения и поимки хитрого врага. К сожалению, я промучился так до самого утра, но так ничего и не придумал. Оставалось положиться на волю случая.

Выходили мы из вагона все вместе. Наш попутчик, о чем-то рассказывая соседям из другого купе, медленно спустился на перрон и остановился около вагона. Он положил рядом с собой чемоданчик и закурил, словно чего-то ожидая.

Я же, бледнея от отчаяния, что ничего нельзя сделать, во все глаза всматривался в снующих мимо людей. Видит бог, я уже хотел, наплевав на все, заорать «Ловите шпиена»! Однако тут мне все же повезло. Я увидел…

– Вот! Точно! – еле сдерживаясь, чтобы не заорать от радости, прошептал я. – Патруль!

Возвышаясь над гомонящей, толкающейся толпой, на перроне стоял высокий худой капитан с красной повязкой на правой руке. Взгляд его быстро пробегал по проходящим мимо него людям в одну сторону, а потом возвращался обратно. Чуть позади него стояла пара бойцов комендантского взвода: один – щуплый красноармеец, а второй – невысокий крепыш. У обоих за плечами висела винтовки.

Недолго думая, я замедлил шаг, пропуская вперед бабулю с Настей за ручку, и тут же нырнул в толпу, которая бурлящим потоком проносилась возле стоявшего поезда. С первых же метров я не один и не два раза порадовался, что не ребенок и могу своим весом хоть как-то сопротивляться толпе. И все равно меня как надувной шарик толкали, пинали жирными бедрами, чемоданами, кошелками, какими-то мешками. Я едва успевал уворачиваться от некоторых особо опасных предметов, проскальзывая между снующими пассажирами.

– Дядя… Дядя, – наконец я пробился к патрулю и попытался, заикаясь, привлечь к себе внимание. – А-а-а-а-а!

Однако в шумной разноголосице перрона мой детский голосок был совершенно не слышен. Теряя терпение от того, что враг мог уже исчезнуть, я не выдержал и дернул капитана за рукав.

– Товарищ капитан, смотрите! – первым на меня все же обратил внимание не командир, а один из его красноармейцев – коренастый крепыш. – До вас тут просятся.

И тут капитан обратил на меня внимание. Он чуть наклонил голову и внимательно стал рассматривать меня. «Матерый товарищ… Глазищами так и зыркает, – я изо всех сил пучил свои оловянные глазки, делая испуганный взгляд. – Такого глазками кота из Шрека можно и не пронять».

– А-а-а! – я вновь прочищаю голос и несколько раз тыкаю пальцем в сторону нашего попутчика. – Там э-э-э кра-а-асный командир… э-э стр-а-анный, – я вновь ткнул пальцем в сторону своего вагона, где вроде еще виднелся тот лейтенантик. – С оружием, – я довольно правдоподобно изобразил стрельбу из пистолета. – Очень стра-а-анный командир, – и чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений, я вновь ткнул пальцем в сторону того парня. – Злой!

Видит бог, я ожидал от капитана почти всего. И громкий ржач, и добродушное ворчание с похлопыванием по спине. Мол, давай-давай, до свидания! Не беспокой взрослых дяденек! Но последовавшее дальше оказалось для меня некоторым шоком…

– Говоришь, странный, злой? Да еще и с оружием, – на лице капитана не было и намека на улыбку или сарказм, наоборот, он говорил совершенно серьезно,

словно ему каждый день подростки сдают тепленькими немецких диверсантов. – С оружием, значит, – я тут же ожесточенно закивал. – Тимонин!

Вышедший из-за его спины боец уже тянулся по стойке смирно.

– Что лыбу давишь? Видишь, пионер надрывается? А вдруг что-то серьезное… – он говорил спокойно, размеренно, а сам то и дело косил в сторону вагона. – Эх, Тимонин, не был ты в Маньчжурии! Там вон вообще пацаны, от горшка два вершка, такое вытворяли, что диву даешься! И вообще было распоряжение. Проверять всех подозрительных! Всех, высоких и низких, бородатых и лысых, с сидорами и без! Понятно тебе? Давай-ка мухой вон к тому младшему лейтенанту, – он кивнул в сторону. – Вон, к артиллеристу! И вежливо, с уваженьицем, попроси у него документики. На сидор за спиной погляди. А мы пока тут посмотрим…

Сам же тихо пробормотал:

– Ну вот и посмотрим, права ли моя чуйка? А ты, парень, у нас сам откуда? – он повернулся к парню и тут же выругался, заметив лишь ускользающий в толпе клок темной рубашки. – Проклятье, улизнул, чертенок!

Естественно, я не собирался околачиваться рядом с ним. «Ищи, товарищ капитан, дураков в другом месте! – ввинчиваясь ужом в толпу, приговаривал я про себя. – Я лучше с партера на основное действие погляжу… А вот у нас и Тимонин».

Мне удалось вскарабкаться на массивное каменное основание старинного фонаря, который, словно древний маяк, возвышался над перроном. Отсюда было неплохо виден наш вагон и улыбающийся младший лейтенант, который что-то рассказывал красноармейцу с красной повязкой. Вот из нагрудного кармана гимнастерки он вытащил какой-то листок или бумажку и протянул ее Тимонину, который, кажется, начал ее изучать.

– Чего он там заснул, что ли? – в нетерпении топтался я на каменном пятачке, чувствуя, что у меня затекают ноги. – Сказал же тебе старшой, что сидор его нужно потрясти! Сидор, глухой!

Наконец Тимонин закончил изучать квиток и вновь что-то спросил. Потом кивнул. Лейтенант в ответ громко рассмеялся и спокойно стащил с плеча сидор, ставя его на землю. К моему удивлению, мой подозрительный попутчик выглядел совершенно спокойным и, я даже сказал бы, веселым. Последнее вообще никак не вязалось с моим подозрением.

– Митька! Вот ты где! – в этот самый момент, когда все могло разрешиться, меня окликнули. Прямо перед фонарем стояла возмущенная бабушка, уперев руки в бока, а Настька, маленькая негодница, в точности копировала ее позу. – Мы тут места себе не находим, а он на фонаре торчит! Орясина такая, а все на паровозы не можешь налюбоваться.

Меня уже тащили вниз, когда я бросил последний взгляд назад. Лейтенанта уже на старом месте не было, а Тимонин стоял, навалившись на вагон. «Как же так? Пустышка, что ли?! А шоколад, а гвозди?» Красноармеец же вдруг начал сползать по стенке вагона вниз. Но меня уже, дернув за рукав рубахи, тащили прочь от перрона…

С перрона с большим трудом нам удалось выбраться. Еще один отправлявшийся на восток поезд штурмовало уж слишком много народа. Подозрительно много народа хотело срочно уехать из Бреста. Особенно бросалось в глаза, что большинство из штурмующих вагоны были женщины и дети, навьюченные, словно мулы, большим числом чемоданов, сумок и котомок.

Бабушка, ступив на каменную брусчатку возле одного из высоких домов, на несколько минут остановилась. Подслеповатыми глазами она что-то довольно долго изучала на прибитом к забору указателе. Наконец, видимо ничего не разобрав, она выцепила из проходящих мимо людей какого-то солдатика – высокого, худого, на котором гимнастерка со штанами болтались как на вешалке.

– Запамятовала я что-то, мил человек. Кружусь, кружусь здесь. А ты, вижу, все здесь знаешь, – красноармеец, совсем еще мальчишка, похоже недавно призванный, важно расправил плечи, стараясь казаться старше и еще выше. – Подскажи, где бы мне племянника свово найти. Тута он где-то служит. Начальник, – солдатик еще сильнее наморщил лоб. – Ефим Моисеевич Фомин. А?

Красноармеец ответил не сразу. Коснувшись висевшей через плечо винтовки, он пару мгновений шевелил губами, словно вспоминая всех «Ефимов Моисеевичей» в Бресте и гарнизоне. Однако тут до него дошло, что начальник и Фомин здесь может быть только одним человеком.

– Товарищ комиссар… – разинул он рот. – Конечно, мамаша, конечно. Знаю, где сейчас находится товарищ полковой комиссар. Здесь у него место расположения. Давайте, я вас провожу.

Судя по тому, с каким пиететом он посмотрел на бабушку, Фомин здесь был действительно большим начальником. «Похоже, это тот самый Фомин, что был одним из руководителей обороны, – прокручивал я в голове, пока мы шли по улице. – Возглавлял часть гарнизона, когда бойцы пошли на прорыв. Сам же, кажется, попал в плен, где его кто-то выдал… Да-а, херовая судьба!» Я прекрасно помнил про него, по иронии судьбы в этой жизни оказавшегося моим дальним родственником. В экспозиции Брестской крепости, где мне посчастливилось побывать аж три раза, фигура комиссара Фомина занимает особое место. Так что я шел на встречу с ним не без внутренней дрожи. «Вот, б…ь, время! В 32 года, имея жену и сына, возглавить оборону Брестской крепости и держаться до конца. Фактически совершенно осознанно пойти на смерть. Кто бы так смог еще?»

Оказалось, до того здания, где заседал комиссар, было три или четыре сотни метров. Но «чапали» мы до него минут пятнадцать, так как на жаре бабушка то и дело останавливалась, чтобы отдышаться… Наконец мы оказались перед старинным двухэтажным домом с небольшими окошками. Весь из красного мощного кирпича, с характерными украшениями, в свое время дом, видимо, принадлежал какому-то купчине.

Красноармеец провел нас внутрь, потом по коридору и, отдав честь какому-то военному за столом, исчез за большой дверью.

– Ефим Моисеевич, туточки до вас! – открыв дверь, с характерным говором доложил красноармеец. – Есть! Проходите, мамаша, – он посторонился, пропуская нас внутрь.

Мы вошли, и тут я впервые увидел вживую одного из легендарных руководителей обороной Брестской крепости – полкового комиссара Фомина.

Вставший при виде нас командир был невысокого роста, худощавый, с темными волосами. Особенно запомнились в это мгновение его глаза – глубоко посаженные, иссиня-черные и… воспаленные, словно он не спал много часов подряд. Чуть позже мы узнали, что комиссар действительно не спал уже больше полутора суток, еще держась лишь на одной силе воли.

– Я вас слуша… – начал он, не сразу узнав бабулю. – А! Тетя Маша! Что вы здесь делаете? – и, если честно, я в его голосе совершенно не услышал радости, даже, наоборот, в нем явно сквозило какое-то нескрываемое беспокойство. – Да еще с внуками… Как же так?

И дальше красные как помидоры бабуля и ее племянник о чем-то яростно спорили. Первая степенно, но напористо, второй сильно жестикулируя…

Фомин пытался отправить нас обратно на вокзал и посадить на первый же поезд на восток. Он через слово говорил: «НАДО», «СРОЧНО», «ОЧЕНЬ ВАЖНО», напирая на какие-то обстоятельства и при этом не произнося о них вслух. Наконец, когда бабуля его достала своим упорством и желанием во что бы то ни стало добраться до злополучных Дубков, комиссар выдал:

– Тетя Маша, скоро война, – произнес он сквозь зубы, чуть ли не рыча. – Война, тетя Маша. Немец попрет прямо здесь. Другой дороги тут нет, – он сверлил ее красными воспаленными глазами. – Вот прямо тут, в этом самом месте, снаряды будут рваться. Вы понимаете это? А сдержать их крепость не сможет, – уже тише добавил он. – Там, за рекой, уже неделю не смолкают звуки танковых моторов, немецкие самолеты каждый день чуть не по нашим головам ходят. А мы сиди и молчи! Слышишь, тетя Маша?! Уезжать вам немедленно надо! Уезжать и точка!

Бабка же тихо перекрестилась и с окаменевшим лицом забормотала:

– Значит, правда война. Прости меня господи, – тонкие пальцы старушки еще сильнее прижали к груди сверток с иконой. – Значит, предупреждала это нас Матушка-заступница… – Фомин с удивлением на лице пытался понять, о чем это его тетя говорит. – Говорю, Ефимушка, Матушка наша Заступница, Богоматерь, кровавыми слезами плакала. Предупреждала нас грешных, что грядут страшные Антихристовы времена… – бабуля, растирая слезы, схватила комиссара за рукав. – Помоги, Ефимушка, дай машину. Мы только до Дубков и обратно. В скит

нам нужно. Матушка Фрося наказ дала. Никак нельзя ослушаться, – и по ее глазам было совершенно понятно, что старая женщина не отступится – если надо, она и пешком пойдет в это расположенное в лесу село. – Помоги…

– Хорошо, хорошо, – он все-таки уступил напору бабушки, которая перла вперед, словно тяжелый танк, твердя об одном и том же. – Дам я машину, чтобы вас докинули до этих чертовых Дубков. Сегодня же дам, – тут он подошел к женщине вплотную и негромко добавил. – Тетя Маша, только я прошу вас… Через сутки уезжайте оттуда. Я послезавтра снова вышлю машину, чтобы забрать вас. Понимаете? Ровно через сутки! Ни минутой позже…

После этого разговора бабушка, забрав Настю, ушла в какой-то только ей известный магазин, оставив меня на пару часов в приемной у своего племянника. Фомин же, выдав мне какую-то тяжеленную книжку и махнув рукой, мол, читай, уже через пару минут совершенно забыл обо мне. И это было неудивительно, его телефон звонил практически непрерывно!

– Как нет транспорта?! – кричал Фомин в телефонную трубку, устало растирая глаза. – И что? А я вам его откуда возьму, рожу, что ли? Ты что, не понимаешь, что все подследственные до завтра должны быть вывезены из Бреста?! Понимаешь, значит. Тогда и решай проблемы, раз понимаешь! Чтобы к 16:00 машины были на месте!

Кинув трубку на место, комиссар откинулся на спинку кресла и несколько секунд с силой тер грудину в районе сердца.

– Машков! Еще чаю давай! – во второй комнате, где за столом разбирал горы каких-то дел его заместитель, тут же кто-то вскочил. – И заварки клади, не жалея, а то вырубает.

Я же тихонько сидел в углу на колченогом стуле и медленно листал книгу, стараясь лишний раз о себе не напоминать. «Б…ь, я вынул счастливый билет… Здесь же крутятся все самые последние новости. И чем я дольше тут просижу, тем больше, соответственно, узнаю».

– Фомин! – раздраженно произнес он в трубку, когда вновь раздался звонок. – Да! Да! Транспорт будет! Всех вывезем. Архив? Сколько там мешков? – напряженно слушая, комиссар медленно выстукивал по столешнице костяшками

пальцев какой-то незнакомый ритм. – Ладно, в кузов все покидаем. Должно влезть… Слушай, Палыч, что там у нас с семьями комсостава? Ну? Что? – он аж побагровел от услышанного, медленно вставая с места. – Идиот! Какая провокация? Это сообщение пришло по спецсвязи! Быстро, слышишь, быстро поднимай свой зад! Оповестить членов семей командиров! В течение суток! Сколько их там? – в трубке, видимо, что-то мычали в ответ. – А кто знает? Черти в лесу?! Да?! Завтра же начать эвакуацию! Ты что… Какое еще барахло? Бросить все!

Эбонитовая трубка вновь упала на место, а комиссар никак не мог успокоиться.

– Совсем мышей не ловят там… Пол-Бреста уже снялась с места, а эти, как клуши, расселись и зад свой греют, – бормотал он, вновь потянувшись к груди и начав ее усиленно растирать. – Барахло еще надумали с собой забрать… Дурак! Тут людей бы успеть вывезти, – взгляд его поднялся к стене и с ненавистью остановился на отрывном календаре, где красовалась «горящая дата» – 19 июня 1941 года. – Дурак!

Страница в моей руке задрожала и остановила свой ход. «Вывозят зеков, семьи офицеров. Похоже, письма мои все-таки дошли туда, куда нужно. Или может сработал вариант с Жуковым. Уж больно он тогда в туалете потрясенно молчал, когда я начал ему рассказывать обо всем этом приближающемся дерьме… А собственно, какая, на хрен, разница! Главное, поверили, и началась хоть какая-то движуха».

К сожалению или к счастью, вскоре меня вновь забрали из приемной. Бабушка, расцеловав племянника и перекрестив его (отчего тот поморщился), с какими-то свертками направилась на выход из здания. И уже через полчаса мы отправились в путь по старинной брусчатке многострадального города.

Глава 6. Удавка затягивается

Интерлюдия 8

г. Москва

Совершенно секретно. Служебная записка. Штамп «Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД».

«…Автором всех образцов несомненно является одно и то же лицо. Об этом говорят общие признаки почерка, проявляющиеся в большинстве букв рукописи и характеризующие ее исполнение в целом.

…Почерковедческая экспертиза всех представленных образцов (под номерами от 1 до 15) указывают на высокий уровень владения письменной речью. В образцах крайне редко встречаются орфографические и пунктуационные ошибки. ‹…› Отмечается высокая степень лексических и стилистических навыков письма.

Выделенные характерные черты почерка позволяют говорить о том, что автор представленных образцов получил качественное образование, предположительно в высших образовательных учреждениях. ‹…› Богатство словарного запаса, характер употребления терминов и понятий… указывает скорее на гуманитарную специфику образования автора, чем на естественно-научную.

…При этом в тексте писем встречаются выражения и обороты, которые являются нехарактерными… Последнее указывает на то, что автор письма родился или долгое время жил не на территории Советского Союза. Одновременно, хотя и вероятность этого крайне низка, нельзя исключать и тот факт, что местом жительства фигуранта может был изолированная этническая общность, ареал проживания которой расположен в труднодоступных территориях страны.

Предположительно, объект является мужчиной сорока – пятидесяти лет, получившим образование в одном из высших учебных заведений царской России. Родился или долгое время проживал не на территории Советского Союза…

Интерлюдия 9

г. Москва

Кремль, кабинет Сталина

Застывшее в воздухе напряжение, казалось, можно было резать ножом. Стоявший у края стола невысокий полноватый человек, в круглых очках, с выпученными глазами, и дико потел. По его покрытому красными пятнами лицу стекали крошечные капельки.

– Знаешь, Лаврентий, – прямо напротив него, буквально в нескольких шагах, стоял другой человек, который медленно и хорошо выверенными движениями, за которыми чувствовался значительный опыт, набивал курительную трубку табаком, – когда мы назначали тебя на такую должность, то были уверены, что ты справишься с этой ответственной работой в отличие от твоего предшественника, – Сталин на мгновение оторвался от своего занятия и укоризненно взглянул на Берию. И, казалось, в его взгляде не было ничего, кроме отеческого сожаления, но у застывшего наркома вновь сердце провалилось в пятки. – Вот скажи мне, товарищ Берия, – тот явно вздрогнул. – Я совершенно не понимаю…

Из раскуренной трубки медленно клубился едва заметный дымок характерного едкого запаха. Хозяин кабинета начал медленно прохаживаться вдоль стола, то и дело посматривая на своего гостя.

– Правда не понимаю… – в его голосе вновь прорезался явный акцент и действительно послышалось искреннее недоумение. – Как столько сотрудников целого наркомата, на который страна никогда не жалела никаких средств, не могут найти одного единственного человека? Вот объясни мне это, товарищ Берия.

Нарком сглотнул возникший в пересохшем горле ком. Он ясно понимал, что с каждой новой секундой его молчания шансов еще раз услышать из уст Сталина наименование «товарищ» у него остается все меньше и меньше.

– Товарищ Сталин, – хрипло начал он, едва не скатываясь на сипение. – Сотрудники наркомата работают круглосуточно. Специальная группа ответственных работников, имеющих большой опыт оперативно-розыскной работы, уже выехала в город Вязьму. Обнаружено, что именно в почтовые ящики Вязьмы были выброшены все обнаруженные письма. На настоящий момент нет никаких сомнений, что здесь действует не один человек, а целая

организованная группа.

Берия прекрасно понимал, опираясь на опыт подготовки и последующего разгрома липовых, а иногда и не совсем липовых диверсионных или террористических организаций, что Сталин скорее поверит в существование полноценного заговора, чем в добрую или злую волю одного человека. Вот и старался «копать» именно в этом направлении.

– Я уверен, товарищ Сталин, это полноценный заговор, – теперь уже пришла очередь хозяину кабинета вздрогнуть; правда, было непонятно, это произошло от страха или от удивления. – Возможно, это даже дело рук военных. Пока, конечно, нет доказательств, но многое указывает на нечто похожее с Тухачевским… Письма нельзя было подготовить, не владея большим объемом оперативной и стратегической информации о состоянии Красной Армии. Особенно настораживает факт того, что авторы письма наиболее осведомлены о состоянии войск Западного военного округа, – тут он сделал крошечную паузу и вновь продолжил: – Насколько вы помните, товарищ Сталин, Западный военный округ возглавляет Павлов, близкий друг генерала Жукова. Тем более последний не так давно был у него… – Берия попытался «закинуть удочку» на предмет применения к некоторым военным особых методов. – Вот если бы начать разработку…

Однако дальше случилось то, чего нарком ожидал меньше всего. Сталин вдруг выругался.

– Б…ь! – неожиданно с чувством выдал он матерную конструкцию. – Лаврентий, твою мать, ты совсем е…ся?! – посеревший от страха Берия покачнулся и едва устоял на ногах. – Совсем? Какой, к х…м, Павлов?! Какой Жуков? Какая, к х…м, группа?

Сталин резко схватил лежавшие на столе бумаги и с силой их кинул в лицо наркому.

– Б…ь, нет никакой группы! Понимаешь, нет! Нет! – слова он будто гвозди вколачивал. – Вот, это заключение твоей же группы! Все это писал один человек! И бросили в одном городе, в один почтовый ящик! И, б…ь, многое же из этого оказывается правдой! Ты понимаешь?! Какая, к черту, спецгруппа? Да с него пылинки сдувать нужно! Пылинки!

Для Сталина многое из этих писем и впоследствии тайного доклада Жукова оказалось настоящим откровением и, более того, жестким ударом по его самолюбию. Конечно, вслух он не говорил, какой он гениальный полководец, но где-то в глубине его души бродили похожие мысли. А оказалось, что страна-то со всеми ее десятками тысяч танков, самолетов и пушек и не готова к современной войне…

– Хоть землю рой, но найди его…

* * *

Окрестности г. Бреста

Грунтовая дорога на северо-запад, к границе

Затуманенными глазами я смотрел на петляющую грунтовку, на деревья, наступающие на дорогу, и все более отчетливо понимал всю бессмысленность этой поездки. «Да что же это я? Так и брошу все? Поеду в это проклятое село, в белорусскую глухомань, и спрячусь там под женской юбкой?» Ведь получится все именно так! Все самые тяжелые годы он просидит в безопасности, в тепле, сытости, пока остальные, в том числе и его родственники, будут молча умирать в окопах, за рычагами танка и станка.

И он так живо себе представил эти картины, что, даже не ожидая от себя, застонал. Тихо, тоскливо… Благо сидел он в кузове, и поэтому стон его никто не услышал.

Однако доехать до места в этот день так и не удалось. Примерно через пару километров на дороге нам встретился милиционер. Размахивая пистолетом, он кричал, что впереди какие-то уголовники напали на сельсовет и срочно надо ехать в город, за помощью. Словом, через час-полтора мы были снова в городе у Фомина.

Тот еще утром отправил свою семью на восток, поэтому разместил нас в своей квартире. Тогда же он сказал, что придет поздно и просил сразу же ложиться спать и его не ждать.

Больше ждать я не мог и решил действовать этой же ночью.

И выждав для верности с полчаса, пока все уснут, я тихо выбрался из кровати, осторожно пробравшись через закутавшуюся в одеяло Настю. «Развалилась как мамонт. Не пройти, не проехать… Чертова дверь, хрен откроешь». Через дверь я уже попал в длинный коридор, в конце которого горел свет. «Фомин-то пришел, кажется… Хорошо».

Помня, что спешка нужна лишь при одном деле, я не торопясь заглянул из коридора на кухню. Увиденное там меня сначала насторожило. Полковой комиссар сидел у раскрытого окна с зажженной папиросой и негромко разговаривал с… самим собой.

– Что, Ефимушка, не ожидал такого бардака? – ворот его кителя был широко расстегнут, демонстрируя голую шею. – Б…ь, десять лет готовились – готовились-готовились! – готовились, а оказалось, ни хрена-то мы и не готовы! Вот так-то!

На столе перед ним стояла початая бутылка водки и наполненный на половину стакан.

– Как же так, Ефим? – запрокинув голову, он медленно выцедил стакан. – Скажи мне, как же так могло случиться? В газете пишут, по радио говорят, инспекционная рожа с высокой трибуны говорит, что все в порядке, все хорошо.

Комиссар явно был пьян и сильно на взводе вдобавок.

– И сам ты, мил друг Ефимушка, тоже писал туда, – пьяно улыбаясь он посмотрел на потолок. – Что все в порядке во вверенных тебе соединениях. Писал ведь? – самому себе же он вновь кивает. – Писал, а как же? Войсковые соединения… стрелковые части, – время от времени он икал, заглатывая слова и целые предложения. – Демонстрируют высокие успехи в военной подготовке и политическом… И способны единым мощным ударом нанести поражение любому врагу… Б…ь! А на самом деле, Ефимушка?

Фомин дотянулся до бутылки и вылил остатки водки себе в стакан.

– На самом деле… – он крепко сжал пальцами стакан и несколько секунд пристально всматривался в запотевшее стекло. – Хм… На самом деле крепость – одна большая ловушка. Дивизии, артиллерия, танки, а мы даже приготовиться не успеем… Здесь же все как на ладони. Вдобавок немцы этой крепостью еще год назад владели. Да они тут каждый камешек изучили и на карты нанесли. Теперь сиди на заднице и бей артиллерией по квадратам!

Я высунулся из-за угла коридора, внимательно следя за комиссаром. Чувствовалось, клиент практически дозрел и скоро его можно было брать голыми руками. Однако тут я потерял равновесие и буквально вывалился на середину кухни.

– Ого, племяш! – удивленно пробормотал Фомин, наклонившись чуть вперед. – Значит, разбудил я все-таки тебя. Иди-ка ты спать, пока остальные не проснулись, – так и не дождавшись от меня хотя бы какого-то ответа, он задумчиво качнул головой. – Ты же не можешь говорить…

Я же, сделав лицо кирпичом, медленно подошел к столу и сел рядом на стул.

– Не пойдешь, значит. Не хочешь спать… – тут комиссар опустил голову и, обняв ее ладонями, глухо произнес. – А я, брат, хочу, зверски хочу спать… – он поднял красные глаза на меня и невидящим взглядом уставился куда-то мне за спину. – Только не могу, страшно мне. Как только глаза закрываю, такие в голову картины и вещи лезут, что не по себе становится… Что ты на это скажешь? Хм, молчишь… Все молчишь.

Я положил свои руки на стол и приготовился внимательно слушать его. Чувствовалось, Фомин достиг той стадии опьянения, когда ему требовалось с кем-то поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/agishev_ruslan/neposlannyy-poslannik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить